

СВЕН БЕККЕРТ

ИМПЕРИЯ ХЛОПКА

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Свен Беккерт

Империя хлопка.

Всемирная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40623634

Империя хлопка: Всемирная история:

ISBN 978-5-93255-528-6

Аннотация

Империя хлопка с самого начала была ареной постоянной глобальной борьбы между рабами и плантаторами, торговцами и государственными деятелями, рабочими и фабрикантами. Свен Беккерт ясно показывает, как европейцы объединили мощь капитала и мощь государства с тем, чтобы силой выковать мировой производственный комплекс, а затем с помощью капитала, мастерства, сетей и связанных с хлопком институтов положить начало бурному развитию технологий и росту благосостояния, определяющего современный мир. Изучая прошлое капитализма, эта книга излагает историю капитализма в действии. Автор не ищет объяснений в одной части мира и понимает капитализм единственным способом, которым он может правильно быть понят – в глобальных рамках. В основе этой книги и великого преобразования капитализма лежат движение капитала, людей, товаров и сырья по всей планете и связи, установленные между далекими областями мира.

Содержание

Введение	5
Глава 1	34
Глава 2	91
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Свен Беккерт

Империя хлопка:

Всемирная история

Луизе

Copyright © 2014 by Sven Beckert

All rights reserved. Originally published in hardcover in the United States by Alfred A. Knopf, a division of Penguin Random House LLC, New York, in 2014

Настоящий перевод опубликован по соглашению с Alfred A. Knopf, имринтом The Knopf Doubleday Group, подразделением Penguin Random House, LLC

© Издательство Института Гайдара, 2018

* * *

Введение

Торговцы хлопком в Новом Орлеане, 1873 год.
Гарвардский музей искусств

В конце января 1860 года члены Манчестерской торговой палаты собрались в городской ратуше на свою ежегодную встречу. Среди шестидесяти восьми человек, собравшихся

в центре города, бывшего тогда самым промышленно развитым в мире, выделялись торговцы хлопком и хлопковые промышленники. За прошедшие восемьдесят лет эти люди превратили окружающую загородную местность в центр невиданной доселе мировой сети сельского хозяйства, коммерции и промышленного производства. Торговцы покупали хлопок-сырец по всему миру и привозили его на британские фабрики, где находилось две трети мирового количества хлопкопрядильных веретен. Армия рабочих пряла нить из хлопка и ткала из нее готовую материю; потом торговцы рассылали эти товары по мировым рынкам.

Собравшиеся джентльмены были в праздничном настроении. Президент Эдмунд Поттер напомнил аудитории об «удивительном росте» их отрасли и «общем процветании всей страны и особенно данного района». Обсуждались широкие темы, касавшиеся Манчестера, Великобритании, Европы, США, Китая, Индии, Южной Америки и Африки. Хлопковый промышленник Генри Эшуорт добавил энтузиазма, восхваляя «уровень процветания в бизнесе, с которым, вероятно, не мог бы сравниться ни один из прошедших периодов»¹.

Довольные собой хлопковые промышленники и торговцы имели причину для гордости: они находились в центре

¹ The Thirty-Ninth Annual Report of the Board of Directors of the Manchester Chamber of Commerce for the Year 1859 (Manchester: Cave & Sever, 1860), 18, 19, 22, 23, 33, 34, 38, 39, 45.

империи, простиравшейся на весь мир, — империи хлопка. Они управляли фабриками, на которых десятки тысяч рабочих обслуживали огромные прядильные машины и шумные ткацкие станки. Они получали хлопок с рабовладельческих плантаций в Америке, а продукцию своих заводов продавали на рынках самых отдаленных уголков мира. Хлопковые дельцы обсуждали мировые проблемы с удивительной беззаботностью, несмотря на то, что их собственное занятие — производство и сбыт хлопковой нити и ткани — было почти банальным. Они владели шумными, грязными, переполненными и совершенно примитивными фабриками; они жили в городах, черных от сажи сжигаемого в топках паровых машин угля; они вдыхали воздух, пахнувший человеческим потом и нечистотами. Они правили империей, но едва ли выглядели императорами.

Всего сто лет тому назад предки этих хлопковых дельцов смеялись бы при мысли о хлопковой империи. Хлопок выращивался в небольших количествах и обрабатывался у домашнего очага; в Великобритании промышленность в лучшем случае играла незначительную роль в обработке хлопка. Разумеется, некоторые европейцы знали о прекрасных индийских муслинах, коленкорах и ситцах, которые французы называли *indiennes*, прибывавших в порты Лондона, Барселоны, Гавра, Гамбурга и Триеста. Женщины и мужчины сельской Европы — скромные конкуренты роскошного Востока — пряли и ткали хлопок. В Америке, Африке и особен-

но в Азии люди сеяли хлопок вместе с бататом, кукурузой и сорго. Они пряли волокна и ткали из них ткани для нужд своего хозяйства или по требованию правителей. Столетиями и даже тысячелетиями люди в Дакке, Кано, Теночтитлане и во многих других местах делали ткани из хлопка и окрашивали их в прекрасные цвета. Некоторые из этих тканей продавались по всему миру. Некоторые были необыкновенно тонки – настолько, что современники называли их «сотканым ветром».

Вместо женщин на низких скамеечках, прядущих с помощью небольших деревянных колес в своих хижинах или использующих прялки и чашки под веретена перед своими хижинами, в 1860 году миллионы механических веретен, приводимых в движение паровыми машинами и обслуживаемых наемными рабочими, многие из которых были детьми, работавшими до четырнадцати часов в день, производили миллионы фунтов пряжи. Вместо выращенного в домашнем хозяйстве хлопка, превращенного в спряденную дома нить и ручную сотканную ткань, миллионы рабов трудились на плантациях в Америке в тысячах миль от ненасытных фабрик, которые они снабжали, фабрик, которые в свою очередь находились в тысячах миль от конечных потребителей ткани. Вместо караванов, везущих ткани с запада Африки через Сахару на верблюдах, мировой океан бороздили пароходы, груженные хлопком с американского Юга или сделанными в Британии хлопковыми тканями. К 1860 году хлопко-

вые капиталисты, собравшиеся для празднования своих достижений, принимали как должное существование первого в истории глобально интегрированного хлопкового производственного комплекса, хотя тот мир, который они помогли создать, появился совсем недавно.

Однако в 1860 году будущее было столь же невообразимым, как и прошлое. И промышленники, и торговцы засмеяли бы того, кто рассказал бы им, насколько радикально мир хлопка изменится в следующем столетии. К 1960 году большая часть хлопка-сырца опять шла из Азии, Китая, Советского Союза и Индии, то же происходило с хлопковой пряжей и тканями. В Британии, а также в остальной Европе и в Новой Англии сохранилось совсем немного хлопковых фабрик. Бывшие центры производства хлопка – среди них Манчестер, Мюлуз, Бармен и Лоуэлл – были замусорены заброшенными цехами и населены безработными рабочими. В 1963 году Ливерпульская хлопковая ассоциация, некогда одна из важнейших хлопковых торговых ассоциаций, распродала свою мебель на аукционе². Империя хлопка, как минимум та ее часть, в которой доминировала Европа, рухнула³.

Сегодня хлопок настолько широко распространен, что его уже трудно распознать в окружающих нас предметах: и это

² “Liverpool. By Order of the Liverpool Cotton Association Ltd., Catalogue of the Valuable Club Furnishings etc. to be Sold by Auction by Marsh Lyons & Co, Tuesday, 17th December 1963,” Liverpool Records Office, Liverpool, UK.

³ I. E. Horn, *La crise cotonniere et les textiles indigenes* (Paris: Dentu, 1863), 6.

одно из величайших достижений человечества. Сейчас, когда вы читаете это предложение, какой-нибудь из предметов вашей одежды соткан из хлопка. И столь же вероятно, что вы никогда не отделяли шарик хлопка от его стебля, не видели легких пряжей волокон хлопка-сырца и не слышали оглушительного шума прядильных машин и ткацких станков. Хлопок в одной и той же мере знаком и незнаком. Мы принимаем его постоянное присутствие как данное. Мы носим его на теле. Мы спим под ним. Мы пеленаем в него наших младенцев. Хлопок есть в банкнотах, которыми мы пользуемся, в кофейных фильтрах, помогающих нам просыпаться по утрам, в растительном масле, с которым мы готовим пищу, в мыле, которым мы моемся, и в порохе, с помощью которого мы воюем (действительно, Альфред Нобель получил британский патент в 1887 году за изобретение баллистита, нового взрывчатого вещества, соединения нитроглицерина и пироксилина или так называемого ружейного хлопка). Хлопок даже является важнейшим элементом книги, которую вы держите в руках.

На протяжении девяти столетий, с 1000-го по 1900 год, хлопок был самой важной отраслью производства в мире. Хотя сегодня он уступил это место другим отраслям, хлопок по-прежнему важен для занятости и мировой торговли. Он настолько широко распространен, что в 2013 году в мире было произведено как минимум 123 млн тюков хлопка, каждый из которых весил около четырехсот фунтов, – этого до-

статочно, чтобы изготовить по двадцать футболок на каждого жителя Земли. Если поставить эти тюки друг на друга, они образовали бы башню высотой сорок тысяч миль; положенные горизонтально, тюки полтора раза охватят земной шар. Земля испещрена огромными хлопковыми плантациями – от Китая до Индии и США, от Западной Африки до Центральной Азии. Производимые ими необработанные волокна, плотно упакованные в тюки, по-прежнему развозятся по всему миру на фабрики, где заняты сотни тысяч рабочих. Готовая продукция затем продается везде, от далеких деревенских лавок до Walmart. Возможно, хлопок является одним из очень немногих произведенных человеком товаров, которые доступны практически везде, свидетельствуя о произошедшем в условиях капитализма ошеломляющем увеличении человеческой производительности труда и потребления. Как очень точно говорилось в недавней рекламной кампании в США: «Хлопок – это ткань нашей жизни»⁴.

Если сможете, представьте на минуту мир без хлопка. Вы просыпаетесь утром на кровати, покрытой мехом или соломой. Ваша одежда сделана из шерсти или, в зависимости от климата и вашего достатка, из льна или даже шелка. Из-за того, что вашу одежду трудно стирать и потому, что она очень дорогая или, если вы сделали ее сами, очень трудо-

⁴ “Monthly Economic Letter: U.S. and Global Market Fundamentals,” *Cotton Incorporated*, доступ 23 января 2013 г., <http://www.cottoninc.com/corporate/Market-Data/MonthlyEconomicLetter/>; “The Fabric of Our Lives,” <http://www.thefabricofourlives.com/>.

емкая, вы редко ее меняете. Она дурно пахнет и царапается. Она в основном одноцветная, так как, в отличие от хлопка, шерсть и прочие натуральные волокна не слишком хорошо принимают краску. При этом вы окружены овцами: для производства шерсти, эквивалентной по количеству урожаю хлопка, потребовалось бы примерно семь миллиардов овец. Этим семи миллиардам овец потребовалось бы 700 млн гектаров земли для пастбищ, что примерно в 1,6 раза превышает площадь Евросоюза⁵.

Все это трудно себе представить. Но на участке земли в западной оконечности Евразийского континента такой мир без хлопка долго был нормой. Это была Европа. До XIX столетия хлопок, хотя и был известен, но был мало распространен в европейском текстильном производстве и потреблении.

⁵ По сведениям “Fast Facts... About American Wool,” American Sheep Industry Association от 10 марта 2013 г., http://www.sheepusa.org/get_file/file_id/5ab52656e6d6e32821aa9f177bf05876, средний вес овечьей шерсти (с одной овцы в год) в США составляет 7,3 фунта. Общий вес мирового урожая хлопка был разделен на это число для определения количества овец, которые смогли бы произвести такое же по весу количество шерсти. Government of South Australia, “Grazing livestock— a sustainable and productive approach,” Adelaide & Mt Lofty Ranges Natural Resource Management Board, доступ 10 марта 2013 г., www.amlnrm.sa.gov.au/Portals/2/landholders_info/grazing_web.pdf; “European Union,” CIA – The World Factbook, от 16 марта 2013 г., <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ee.html>. В соответствии с первым источником принимается, что на одном гектаре может содержаться десять яловых овец, если для выпаса доступно двенадцать месяцев в году. Эти данные использовались для подсчета площади земли, необходимой для содержания семи миллиардов овец, а затем эта величина сравнивалась с площадью ЕС, по сведениям CIA World Factbook равной 4 324 782 км².

Как получилось, что часть света, меньше всего имевшая отношение к хлопку – Европа – создала империю хлопка и стала в ней доминировать? Любой разумный наблюдатель, скажем, в 1700 году ожидал бы, что мировое производство хлопка по-прежнему будет сосредоточено в Индии или, возможно, в Китае. Несомненно, до 1780 года эти страны производили во много раз больше хлопка-сырца и хлопкового текстиля, чем Европа и Северная Америка. Но затем ситуация изменилась. Европейские капиталисты и государства поразительно быстро переместились в центр хлопковой отрасли. Они использовали свое новое положение для запуска промышленной революции. Китай и Индия, как и многие другие части мира, все в большей степени становились подданными империи хлопка, центр которой находился в Европе. Эти европейцы потом использовали свою динамичную хлопковую промышленность в качестве площадки для создания других отраслей; несомненно, хлопок стал трамплином для более широкой промышленной революции.

Эдвард Бейнс, владелец газеты в Лидсе, в 1835 году назвал хлопок «явлением, не имеющим аналогов в анналах промышленной истории». Он утверждал, что анализ этого явления «в большей степени достоин трудов исследователя», чем изучение «войн и династий». Я согласен. Мы увидим, как, следуя за хлопком, мы придем к истокам современной мировой промышленности, быстрого и непрерывного экономического роста, гигантского увеличения производительности

труда и потрясающего социального неравенства. Историки, обществоведы, политики и идеологи всех сортов пытались разобраться в этих истоках. Особенно мучительным является вопрос о том, почему после многих тысячелетий медленного экономического роста несколько ветвей человеческого рода в конце XVIII века внезапно стали намного богаче. Ученые сегодня называют эти несколько десятилетий «великим расхождением» – началом широких различий, которые до сих пор задают структуру нашего мира, различий между индустриальными и неиндустриальными странами, между колонизаторами и колониями, между мировым Севером и мировым Югом. С легкостью делаются широкие утверждения, одни глубоко пессимистичные, другие обнадеживающие. В этой книге, однако, я следовал глобальному и фундаментально историческому подходу к этой загадке: я начинаю с исследования отрасли, возникшей в самом начале «великого расхождения»⁶.

Сосредоточение на хлопке и его очень конкретном и часто жестоком развитии ставит под сомнение объяснения, которые слишком многие наблюдатели склонны принимать как данность. Разумеется, такой подход оспаривает некоторые

⁶ Edward Baines, *History of the Cotton Manufacture in Great Britain* (London: H. Fisher, R. Fisher, and P. Jackson, 1835), 5–6; см.: Kenneth Pomeranz, *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2000); Кеннет Померанц, *Великое расхождение. Китай, Европа и создание современной мировой экономики* (Москва: Издательский дом “Дело”, 2017).

недавние и не совсем недавние утверждения: что бурное экономическое развитие Европы можно объяснить более рациональными религиозными представлениями европейцев, их традициями Просвещения, климатом, в котором они жили, географией континента или такими благотворными институтами, как Банк Англии, или верховенством закона. Такие фундаментальные и зачастую неизменяемые атрибуты, однако, не могут объяснить постоянно изменяющуюся структуру капитализма. Часто они еще и ошибочно определены. Первая индустриальная страна, Великобритания, едва ли была столь либеральным, бережливым государством с надежными, но беспристрастными институтами, как это часто изображается. Напротив, это была империалистическая нация с гигантскими военными расходами, почти постоянно воевавшая, с могущественной и агрессивной бюрократией, высокими налогами, с бешено растущим государственным долгом и протекционистскими тарифами, — и она определенно не была демократической. Не работают и объяснения, заостряющие внимание исключительно на конфликтах между социальными классами определенных регионов или стран. Эта же книга, напротив, охватывает глобальную перспективу, показывая, как европейцы объединили мощь капитала и мощь государства с тем, чтобы силой выковать мировой производственный комплекс, а затем с помощью капитала, мастерства, сетей и связанных с хлопком институтов положить начало бурному развитию технологий и росту благосостоя-

ния, определяющего современный мир. Изучая прошлое капитализма, эта книга излагает историю капитализма в действии⁷.

В отличие от многого из того, что было написано по истории капитализма, «Империя хлопка» не ищет объяснений в одной части мира. Она понимает капитализм единственным способом, которым он может правильно быть понят, – в глобальных рамках. Движение капитала, людей, товаров и сырья по всей планете и связи, установленные между далекими областями мира, лежат в самой основе великого преобразования капитализма – и в основе этой книги.

Чтобы увидеть капитализм в действии, мы должны посмотреть на то, как он организовал производство, торговлю и потребление. *Военный капитализм* был особенно важной, но зачастую непризнанной фазой в развитии капитализма. Мы обычно думаем, что капитализм, во всяком случае его основанная на массовом производстве глобальная разновид-

⁷ Jared Diamond, *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies* (New York: Norton, 1998); Джаред Даймонд, *Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ* (Москва: АСТ, 2009); David Landes, *The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor* (New York: W. W. Norton, 1998); Niall Ferguson, *Civilization: The West and the Rest* (New York: Allen Lane, 2011); Нил Фергюсон, *Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира* (Москва: АСТ, 2014); Robert Brenner, "Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe," *Past and Present*, no. 70 (February 1976): 30–75; Robert Brenner, "The Agrarian Roots of European Capitalism," *Past and Present*, no. 97 (November 1982): 16–113; E. P. Thompson, *The Making of the English Working Class* (New York: Pantheon, 1963).

ность, которую мы видим сегодня, возник около 1780-х годов вместе с промышленной революцией. Но военный капитализм, который начал появляться в шестнадцатом веке, возник до машин и заводов. Военный капитализм процветал не на заводах, а на полях; он не был механизирован и требовал много земли и рабочей силы, опираясь на насильственную экспроприацию земли и труда в Африке и Америке. От этой экспроприации происходило большое богатство и новое знание, а они, в свою очередь, усиливали институты и государства – важнейшие предпосылки исключительного экономического развития Европы в XIX веке и после. Многие историки называли этот период «торговым капитализмом», но «военный капитализм» лучше выражает его грубый и насильственный характер, а также его тесную связь с европейской империалистической экспансией. Военный капитализм разворачивался на постоянно изменявшемся наборе территорий, будучи встроенным в постоянно изменяющиеся отношения, и просуществовал на протяжении значительной части XIX века.

Когда мы думаем о капитализме, мы думаем о наемных работниках, но эта первая фаза капитализма базировалась не на свободном труде, а на рабстве. Когда мы думаем о капитализме, мы думаем о договорах и рынках, но ранний капитализм столь же часто основывался на насилии и физическом принуждении. Когда мы думаем о капитализме, мы думаем о праве собственности, но это время в равной мере ха-

рактизовалось и массовыми экспроприациями, и защитой собственности. Когда мы думаем о капитализме, мы думаем о верховенстве закона и о могущественных институтах, существующих при поддержке государства, но ранняя стадия капитализма, хотя в конечном итоге и потребовала поддержки государственной машины для создания простиравшихся на весь мир империй, часто опиралась на необузданность отдельных людей – на власть хозяев над рабами и капиталистов-первопроходцев над туземными жителями. В итоге европейцы смогли занять доминирующую позицию в тех мирах, где веками возделывался хлопок, объединить их в единую империю с центром в Манчестере и создать глобальную экономику, которую мы сегодня принимаем как данность.

Военный капитализм стал основанием, на котором возник более знакомый нам промышленный капитализм. Этот промышленный капитализм характеризовался мощным государством с гигантскими административными, военными, правовыми и инфраструктурными возможностями. Сначала промышленный капитализм оставался тесно связан с рабством и экспроприированной землей, но когда его институты – все, начиная от наемного труда до прав собственности, – набрали силу, они позволили появиться новой, иной форме интеграции труда, сырья, рынков и капитала на огромных мировых пространствах⁸. Эти новые формы интеграции при-

⁸ Существует потрясающая литература о рабстве и капитализме, включая Eric Williams, *Capitalism and Slavery* (New York: Russell & Russell, 1961); Rafael

вели революцию капитализма в еще более многочисленные уголки мира.

Пока шел этот процесс, миллионы людей проводили жизнь в обработке акров хлопковых полей, медленно распространявшихся по всему миру, срывая миллиарды шариков хлопка с неподатливых растений, переноса тюки хлопка с повозки на корабль, с корабля на поезд, и работая, часто с самого раннего возраста, на «чертовых мельницах» от Новой Англии до Китая. Страны вели войны за доступ к этим плодородным полям, плантаторы заковывали неисчислимые множества людей в кандалы, работодатели отнимали детство у своих работников, применение новых машин вело к депопуляции старых промышленных центров, работники, и рабы и свободные, боролись за свободу и минимальные средства на жизнь. Мужчины и женщины, которые долго содержали себя с помощью маленьких клочков земли, выращивая хлопок наряду с пищей для себя, увидели, что их образ жизни подходит к концу. Они оставили свои сельскохозяйственные

de Bivar Marquese, "As desventuras de um conceito: Capitalismo historico e a historiografia sobre escravidao brasileira," *Revista de Historia* 169 (July/December 2013), 223–253; Philip McMichael, "Slavery in the Regime of Wage Labor: Beyond Paternalism in the U.S. Cotton Culture," *Social Concept* 6 (1991): 10–28; Barbara L. Solow and Stanley L. Engerman, *British Capitalism and Caribbean Slavery: The Legacy of Eric Williams* (New York: Cambridge University Press, 1987); Gavin Wright, *The Political Economy of the Cotton South: Households, Markets, and Wealth in the Nineteenth Century* (New York: Norton, 1978); Joseph E. Inikori, *Africans and the Industrial Revolution in England: A Study in International Trade and Development* (New York: Cambridge University Press, 2002).

орудия и отправились на фабрику. Многие из тех, кто в других частях мира работал на своих ткацких станках и кто носил одежду, которую соткал сам, обнаружили, что их изделия не могут справиться с бесконечным потоком машинного производства. Они оставили свои вращающиеся колеса и отправились в поля, захваченные ныне циклом бесконечного давления и бесконечных долгов. Империя хлопка с самого начала была ареной постоянной борьбы между рабами и плантаторами, торговцами и политиками, фермерами и торговцами, рабочими и фабрикантами. В этом и во многих других отношениях империя хлопка возвещала о новом мире.

Когда новый мир повзрослел, торговля хлопком стала доминировать во всем мире. Хлопковые фабрики превосходили все прочие формы европейского и североамериканского промышленного производства. Выращивание хлопка доминировало в экономике США на протяжении большей части XIX века. Именно из-за хлопка появились новые виды промышленного производства. Сами по себе фабрики были изобретением хлопковой промышленности. Такой была связь рабовладельческого сельского хозяйства в Америке и промышленного производства в Европе. Из-за того, что многие десятилетия хлопок был важнейшей отраслью европейской промышленности, он был источником огромных доходов, которые в конце концов питали другие сегменты европейской экономики. Хлопок также был колыбелью индустриализации практически во всех остальных частях мира —

в США и Египте, в Мексике и Бразилии, в Японии и Китае. В то же время доминирование Европы в мировой хлопковой промышленности привело к волне деиндустриализации значительной части остального мира, сделав возможным новый, иной вид интеграции в глобальную экономику.

И как только создание промышленного капитализма, начавшееся в Великобритании в 1780-е годы и затем, в первые десятилетия XIX века, распространившееся по Европе и Соединенным Штатам, дало огромную силу этим государствам и капитализму в этих государствах, оно прорастило зерна дальнейшего преобразования в империю хлопка. Когда промышленный капитализм распространился, капитал сам по себе оказался привязанным к конкретным государствам. И по мере того, как государство принимало на себя все более центральную роль и становилось самым стабильным, мощным и быстрорастущим институтом, труд также рос в размерах и влиянии. Зависимость капитализма от государства, зависимость государства от его населения придавали силу рабочим, которые дни и ночи на фабриках создавали этот капитал. Ко второй половине XIX столетия рабочие начали объединяться в коллективные организации – профессиональные союзы и политические партии, и медленно, на протяжении многих десятилетий, начали улучшать оплату и условия труда. Это, в свою очередь, увеличило производственные издержки, создав возможности для более дешевого производства в разных частях мира. К концу двадцатого

века модель промышленного капитализма переместилась в другие страны и была принята их модернизирующимися городами. В результате хлопковая промышленность покинула Европу и Новую Англию и вернулась к своим истокам на мировом Юге.

У кого-то может возникнуть вопрос, почему сделанные здесь утверждения в отношении империи хлопка не применяются к другим товарам. Ведь европейцы с 1760-х годов широко торговали в тропической и субтропической областях мира многими товарами, включая сахар, рис, резину и индиго. Однако в отличие от этих товаров хлопок имел две трудоемкие стадии производства: одну в поле, другую – на фабрике. Сахар и табак не создали крупного промышленного пролетариата в Европе. Хлопок его создал. Табак не привел к подъему новых крупных производственных предприятий. Хлопок привел к этому подъему. Выращивание и обработка индиго не создали огромных новых рынков для европейских производителей. Хлопок создал такие рынки. Выращивание риса в Америке не привело к взрывному росту *одновременно* и рабского, и наемного труда. Хлопок привел к такому росту. В результате хлопок распространился по миру новым способом, невиданным ни в одной из других отраслей. Этот новый способ связал континенты вместе, хлопок обеспечивает ключ к пониманию и современного мира, и характерного для него великого неравенства, и долгой истории глобализации, и постоянно меняющейся политэкономии ка-

питализма.

Одной из причин того, что важность хлопка трудно заметить, является то, что она часто заслоняется в нашем коллективном сознании образами угольных шахт, железных дорог и гигантских металлургических заводов – более ощутимыми, более весомыми проявлениями промышленного капитализма. Слишком часто мы игнорируем сельскую местность, сосредотачиваясь на городах, сосредотачиваясь на чудесах современной промышленности в Европе и Северной Америке, игнорируя связь этой самой промышленности с производителями сырья и рынками во всех уголках мира. Слишком часто мы предпочитаем стирать факты рабства, экспроприации и колониализма из истории капитализма, стремясь к более благородному, чистому капитализму. У нас есть тенденция думать о промышленном капитализме как о преимущественно мужском деле, хотя империю хлопка в значительной степени создал женский труд. Капитализм был во многих отношениях освободительной силой, основанием для многого в современной жизни; мы инвестировали в него, не только экономически, но и эмоционально и идеологически. Неприятную правду иногда проще проигнорировать.

Наблюдатели XIX века были осведомлены о роли хлопка в преобразовании мира. Некоторые отдавали должное удивительной силе преобразования новой глобальной экономики. Как весьма восторженно заявил в 1860 году *Cotton Supply Reporter*: «Хлопок очевидно был предназначен для того, что-

бы лидировать среди многочисленных объектов нынешнего века, движущих человеческую цивилизацию... Хлопок вместе со связанной с ним коммерцией стал одним из многих современных «чудес света»⁹.

Когда вы рассматриваете хлопчатник, он не кажется похожим на чудо света. Скромный и незаметный, он бывает различных форм и размеров. До создания европейской империи хлопка разные люди в разных частях мира выращивали растения, довольно непохожие друг на друга. В Южной Америке в основном росло *G. barbadense*, маленькое кустистое деревце, на котором распускались желтые цветки и которое давало хлопок с длинными волокнами. Напротив, в Индии фермеры выращивали *G. arboretum*, кустарник около шести футов высотой с желтыми или пурпурными цветами, который давал хлопок с короткими волокнами. К середине XIX столетия в империи хлопка доминировал один тип – *G. hirsutum*, известный также как американский «апленд». Это растение, происходящее из Центральной Америки, в соответствии с описанием Эндрю Юра, сделанным в 1836 году, «поднималось на высоту двух или трех футов, затем разделялось на покрытые волосками ветви. Листья, трех- или пятилопастные, на нижних поверхностях также имеют волоски. Верхние листья сплошные и имеют форму сердца; стебельки бархатистые. Цветы возле концов ветвей большие и довольно блеклые по цвету. Коробочки овальные, четырех-

⁹ *Cotton Supply Reporter*, no. 37 (March 1, 1860): 33.

частные, почти такие же большие, как яблоко, и дают очень тонкое шелковистое хлопковое волокно, которое весьма ценится в коммерции»¹⁰.

Это пушистое белое волокно – центр этой книги. Растение само по себе не составляет истории, но если мы внимательно послушаем, то оно расскажет нам о людях со всего света, которые провели всю свою жизнь рядом с хлопком: индийские ткачи, рабы в Алабаме, греческие городские торговцы в дельте Нила, высокоорганизованные ремесленники в Ланкашире. Империя хлопка была построена их трудом, воображением и мастерством. К 1900 году 1,5 % населения Земли – миллионы мужчин, женщин и детей – были заняты в этой отрасли, выращивая, транспортируя или производя хлопок. Эдвард Аткинсон, массачусетский хлопковый промышленник середины XIX века, был в основном прав, когда обращал внимание на то, что «нет другого продукта, который в прошлом имел бы столь сильное и пагубное влияние на историю и институты земельных отношений; и, возможно, нет другого продукта, от которого в большей степени могло бы зависеть будущее материальное благополучие». Аткинсон говорил о США и их истории рабства, но его утверждение может быть отнесено ко всему миру в целом¹¹.

¹⁰ Andrew Ure, *The Cotton Manufacture of Great Britain Systematically Investigated, and Illustrated by 150 Original Figures*, vol. 1 (London: Charles Knight, 1836), 67–68.

¹¹ Bruno Biedermann, “Die Versorgung der russischen Baumwollindustrie mit Baumwolle eigener Produktion” (PhD dissertation, University of Heidelberg, 1907), 4; Edward Atkinson, *Cotton: Articles from the New York Herald* (Boston: Albert J. F.

Эта книга следует за хлопком с полей на корабли, из домов торговцев на фабрики, от сборщиков до ткачей и потребителей. Она не отделяет бразильскую историю хлопка от американской, британскую от египетской или японской. Империя хлопка, а с ней – современного мира, может быть понята только в соединении, а не в разделении многих мест и людей, которые сформировали и сами были сформированы этой империей¹².

Меня прежде всего занимает единство противоположностей. Империя хлопка зависела от плантации и фабрики, рабства и наемного труда, колонизаторов и колонизируемых, железных дорог и пароходов – иными словами, от глобальной сети земли, труда, транспорта, производства и продажи. Ливерпульская хлопковая биржа имела гигантское влияние на хлопковых плантаторов Миссисипи, эльзасские прядильные фабрики были тесно связаны с ланкаширскими, а будущее ткачей-надомников в Нью-Гэмпшире или Дакке зависело от столь различных факторов, как сооружение железной дороги между Манчестером и Ливерпулем, инвестиционные решения бостонских торговцев и тарифная политика Вашингтона и Лондона. Власть Османского государства над своей сельской местностью влияла на развитие рабства в Вест-Индии; политическая деятельность недавно освобожден-

Wright, 1877), 4.

¹² E.J. Donnell, *Chronological and Statistical History of Cotton* (New York: James Sutton & Co, 1872), v.

денных рабов в США влияла на жизнь крестьянства в Индии¹³. Хотя историки написали очень много о ланкаширских текстильных фабриках и луизианских хлопковых плантациях, о торговцах в Александрии и ткачах-надомниках в Сурате, никто так и не рассказал истории о преобразующей роли хлопка в виде единого связного повествования, охватывающего различные страны. И все же глобальность этой культуры, вместе с тесной связью сельского хозяйства, торговли и производства сделала хлопок неотъемлемой частью промышленной революции, «великого расхождения» и становления современного капитализма.

Хлопок, главный мировой товар XIX века, свел вместе кажущиеся противоположности, почти алхимически превратив их в благосостояние: рабство и свободный труд, государства и рынки, колониализм и свободную торговлю, индустриализацию и деиндустриализацию. Мы видим, каким

¹³ По этому вопросу существует обширная литература, включая Immanuel Wallerstein, *The Modern World-System*, vol. 3, *The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840s* (San Diego, Academic Press: 1989); Иммануил Валлерстайн, *Мир-система Модерна*. Том III. *Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1 840-е годы* (Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016); Dale W. Tomich, *Slavery in the Circuit of Sugar: Martinique and the World Economy, 1830–1848* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990); Andre Gun-der Frank, *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age* (Berkeley: University of California Press, 1998); Abdoulaye Ly, *La theorisation de la connexion capitaliste des continents* (Dakar: IFAAN, 1994); John Gallagher and Ronald Robinson, “The Imperialism of Free Trade,” *Economic History Review*, Second Series, 51 (1953): 1–15; Patrick Wolfe, “History and Imperialism: A Century of Theory,” *American Historical Review* 102 (April 1997): 388–420.

образом с помощью этих волатильных противоположностей хлопок сделал возможным и рождение капитализма, и его последующую перестройку. Когда мы исследуем, как хлопок и капитализм шли бок о бок по всему миру и через века, мы снова и снова получаем напоминания о том, что никакое состояние капитализма не является постоянным и стабильным. Каждый новый момент в истории капитализма создает новую нестабильность и даже противоречия, вызывающие колоссальные пространственные, общественные и политические преобразования. Писать о хлопке начали давно. Очень возможно, что хлопок – наиболее исследованная отрасль человеческой деятельности. Библиотеки наполнены отчетами о рабовладельческих плантациях в Америке, о начале производства хлопка в Британии, Франции, германских землях и Японии и о торговцах, которые связывали одно с другим. Намного меньше распространены усилия связать эти различные истории; пожалуй, наиболее успешной из этих попыток уже почти две сотни лет. Когда Эдвард Бейнс в 1835 году писал свою «Историю хлопкового производства в Великобритании» (*History of the Cotton Manufacture in Great Britain*), он заключил: «автору может быть позволено сказать... что его предмет вызывает интерес не просто благодаря масштабу той промышленной отрасли, которую он пытался описать, но благодаря той необыкновенной степени взаимодействия, которое установилось между этой страной и всеми частями

планеты»¹⁴. Я разделяю энтузиазм Бейнса и его глобальную точку зрения, если не все его выводы.

Как редактор газеты в Лидсе, живший близко к центру империи хлопка, Бейнс не мог не занять глобальную позицию в этом вопросе¹⁵. Однако когда профессиональные историки обращаются к хлопку, они сосредотачиваются на местных, региональных и государственных аспектах этой истории. И все же только глобальная перспектива позволяет нам понять великое преобразование, частями которого были эти отдельные истории – огромное всемирное изменение организации труда в сельском хозяйстве, распространение проектов националистических элит по укреплению государств, влияние коллективных действий рабочего класса и других явлений.

Эта книга основывается на обширной литературе по хлопку, но помещает ее в новые рамки. В результате она вносит вклад в живой, но зачастую смехотворно презентистский разговор на тему глобализации. «Империя хлопка» подвергает сомнению волнующие открытия кажущейся новой, глобальной фазы в истории капитализма. Она показывает, что капитализм охватывал весь мир с самого своего возникновения и что подвижная пространственная конфигурация мировой экономики была общей характеристикой в последние

¹⁴ Baines, *History of the Cotton Manufacture*, 530–531.

¹⁵ См., например, Gene Dattel, *Cotton and Race in the Making of America: The Human Costs of Economic Power* (Chicago: Ivan Dee, 2009); Morris de Camp Crawford, *The Heritage of Cotton: The Fibre of Two Worlds and Many Ages* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1924).

три сотни лет. В этой книге также утверждается, что на протяжении почти всей истории капитализма процесс глобализации и потребности национальных государств не противоречат друг другу, как часто полагают, а напротив, взаимно укрепляют друг друга. Если наша предположительно новая эра глобализации является истинно революционным отходом от прошлого, этот отход заключается не в уровне глобальных связей, но в том факте, что капиталисты впервые стали способны освободиться от конкретных национальных государств, от тех самых институтов, которые в прошлом обеспечили их становление.

Как предполагает подзаголовок «Империи хлопка», она является частью более общего диалога историков, стремящихся переосмыслить историю, рассматривая ее в транснациональных, даже глобальных, пространственных рамках. История – профессия, возникшая параллельно с национальными государствами и сыгравшая важную роль в их установлении. Но становясь на национальную точку зрения, историки часто недооценивают связи, пронизывающие государственные границы, довольствуясь объяснениями, которые могут быть основаны на событиях, людях и процессах внутри территорий конкретных государств. Эта книга была задумана как вклад в усилия историков, старающихся сбалансировать «национальную» точку зрения на историю с более широким взглядом на связи, личности и процессы, про-

никающие сквозь политические барьеры¹⁶.

Сосредоточившись на одном конкретном товаре – хлопке, и наблюдая, как он выращивался, транспортировался, финансировался, обрабатывался, продавался и потреблялся, мы можем увидеть такие связи между людьми и местами, которые оказались бы вне поля нашего зрения, если бы мы предприняли более традиционное исследование в рамках го-

¹⁶ Литература по всемирной истории быстро множится. Однако это едва ли новое изобретение. Только вспомните такие работы, как: Abdoulaye Ly, *La Compagnie du Senegal* (Paris: Presence Africaine, 1958); Marc Bloch, “Toward a Comparative History of European Societies,” in Frederic Chapin Lane and Jelle C. Riemersma, eds., *Enterprise and Secular Change: Readings in Economic History* (Homewood, IL: R. D. Irwin, 1953); Williams, *Capitalism and Slavery*; C. L. R. James, *The Black Jacobins* (London: Secker & Warburg, 1938). См. также: C. A. Bayly, *The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons* (Malden, MA: Blackwell, 2004); Jürgen Osterhammel, *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2014). Обзоры литературы см.: в Sebastian Conrad, *Globalgeschichte: Eine Einführung* (Munich: Beck, 2013); Dominic Sachsenmaier, *Global Perspectives in Global History: Theories and Approaches in a Connected World* (New York: Cambridge University Press, 2011); Sven Beckert and Dominic Sachsenmaier, *Global History Globally* (Honolulu: Hawaii University Press, in preparation); Bruce Mazlich and Ralph Buultjens, *Conceptualizing Global History* (Boulder, CO: Westview Press, 1993); Jerry Bentley, “The Task of World History” (unpublished paper, in author’s possession); см. также: Robert C. Allen, *The British Industrial Revolution in Global Perspective* (Cambridge: Cambridge University Press, 2009); Роберт Аллен, *Британская промышленная революция в глобальной картине мира* (Москва: Издательство Института Гайдара, 2014); Jan Luiten van Zanden, *The Long Road to Industrial Revolution: The European Economy in a Global Perspective, 1000–1800* (Amsterdam: Brill, 2009); блестящая работа, например, Patrick O’Brien, “European Economic Development: The Contribution of the Periphery,” *Economic History Review*, Second Series, 35 (February 1982): 1–18.

сударственных границ. Вместо того чтобы концентрироваться на истории конкретного события, например, Гражданской войны в Америке, или места, например, хлопковых фабрик в Осаке, или группы людей, например, вест-индских рабов, выращивавших хлопок, или процесса, например, превращения крестьян в промышленных наемных рабочих, эта книга использует биографию одного продукта в качестве окна в один из самых значимых вопросов, который мы можем задать по истории нашего мира, и для нового истолкования истории, имеющей гигантские последствия: истории капитализма¹⁷.

¹⁷ В последние годы было много исследований, посвященных товарам. См., например: Sydney Mintz, *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History* (New York: Viking, 1985); Mark Kurlansky, *Salt: A World History* (New York: Walker and Co., 2002); Марк Курлански, *Всеобщая история соли* (Москва: Колибри, 2007); Barbara Freese, *Coal: A Human History* (Cambridge, MA: Perseus, 2003); Pietra Rivoli, *The Travels of a T-shirt in the Global Economy: An Economist Examines the Markets, Power and Politics of World Trade* (Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2005); Larry Zuckerman, *The Potato: How the Humble Spud Rescued the Western World* (Boston: Faber & Faber, 1998); Wolfgang Monninghoff, *King Cotton: Kulturgeschichte der Baumwolle* (Dusseldorf: Artemis & Winkler, 2006); Mark Kurlansky, *Cod: A Biography of the Fish That Changed the World* (New York: Walker & Co., 1997); Allan Macfarlane and Gerry Martin, *Glass: A World History* (Chicago: University of Chicago Press, 2002); Stephen Yaffa, *Big Cotton: How a Humble Fiber Created Fortunes, Wrecked Civilizations, and Put America on the Map* (New York: Penguin, 2005); Erik Orsenna, *Voyage aux pays du coton: Petit précis de mondialisation* (Paris: Fayard, 2006); Iain Gateley, *Tobacco: A Cultural History of How an Exotic Plant Seduced Civilization* (New York: Grove, 2001); Heinrich Eduard Jacob, *Kaffee: Die Biographie eines weltwirtschaftlichen Stoffes* (Munich: Oekom Verlag, 2006). Прекрасное исследование «биографии вещей» можно найти в работе 1929 года: Sergej Tretjakow, "Die Biographie des Dings," in Heiner Boehnke, ed., *Die Arbeit*

Мы стоим в начале путешествия через пять тысяч лет в истории человечества. На протяжении этой книги мы будем наблюдать за единственным и, казалось бы, малозначимым предметом – хлопком, чтобы разрешить колоссальную тайну: откуда произошел современный мир? Давайте начнем с путешествия в маленькую деревню, расположенную там, где сегодня находится Мексика и где хлопковые поля цвели в мире, совершенно непохожем на наш.

des Schriftstellers (Reinbeck: Rowolt, 1972), 81–86; Сергей Третьяков, “Биография вещи”, в Н. Ф. Чужак (ред.), *Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа* (Москва: Захаров, 2000); Jens Soentgen, “Geschichten uber Stoffe,” *Arbeitsblaetter fur die Sachbuchforschung* (October 2005): 1–25; Jennifer Bair, “Global Capitalism and Commodity Chains: Looking Back, Going Forward” *Competition and Change* 9 (June 2005): 153–80; Immanuel Wallerstein, *Commodity Chains in the World-Economy, 1590–1790* (Binghamton, NY: Fernand Braudel Center, 2000). Хороший пример успешной корректировки экономической истории William Cronon, *Nature’s Metropolis: Chicago and the Great West* (New York: Norton, 1991). Хорошее описание обширной историографии промышленной революции можно найти в Inikori, *Africans and the Industrial Revolution in England*; William J. Ashworth, “The Ghost of Rostow: Science, Culture and the British Industrial Revolution,” *Historical Science* 46 (2008): 249–74. Важность пространственных аспектов капитализма подчеркивается в David Harvey, *Spaces of Capital: Towards a Critical Geography* (New York: Routledge, 2001).

Глава 1

Появление всемирного товара

Ацтекская женщина за прядением

500 лет назад в дюжине мелких деревень на побережье Тихого океана, там, где сегодня находится Мексика, люди про-

водили дни, выращивая маис, бобы, тыкву и чили. Там, между Рио-Сантьяго на севере и Рио-Бальсас на юге, они ловили рыбу, собирали устриц и мидии, искали мед и пчелиный воск. Одновременно с этим сельским хозяйством, которое давало им самое необходимое для жизни, и изготовлением вручную скромных ремесленных изделий, из которых самыми знаменитыми были небольшие сосуды из цветной керамики, украшенные геометрическим орнаментом, эти мужчины и женщины выращивали растение, на котором появлялись небольшие пухлые белые шарики. Это растение было несъедобно. И это было самое ценное из всего, что они выращивали. Они называли его *ichcatl*: хлопок.

Кусты хлопчатника прекрасно росли среди кукурузы, и каждую осень, собрав урожай с пищевых растений, обитатели деревень обрывали мягкие комки волокна с кустов пирамидальной формы и высотой в пояс, складывали многочисленные шарики в корзины или мешки, а затем несли их в свои обмазанные глиной плетеные хижины. Там они тщательно выбирали вручную многочисленные семена, а затем отбивали хлопок на пальмовом коврике, чтобы размягчить его перед вычесыванием волокон в пряди длиной в несколько дюймов. С помощью тонкого деревянного веретена, оснащенного керамическим диском и чашкой, в которую веретено ставилось для поддержки при вращении, они свивали пряди друг с другом в тонкую белую нить. Затем они делали ткань на поясном станке – простом приспособлении, состо-

явшем из двух палок, соединенных нитями основы;

одна палка вешалась на дерево, а другая – на ткача, который натягивал основу своим весом и в нескончаемом танце вплетал поперечную (уточную) нить между нитями основы то в одну, то в другую сторону. В результате получалась ткань, прочная и послушная. Они окрашивали ее индиго и кармином, создавая богатое разнообразие темно-синих и густо-красных тонов. Часть этих тканей они носили сами, делая из них рубашки, юбки и брюки. Остальное отправлялось в Теночтитлан в составе ежегодной дани, которую они должны были платить своим далеким ацтекским правителям. Только в 1518 году люди, населявшие эти двенадцать прибрежных деревень, отправили императору Монтесуме II восемьсот тюков хлопка-сырца (весом по 115 фунтов каждый), 3200 отрезов окрашенного хлопка и 4800 больших белых отрезов – продукт многих тысяч часов изнурительного и в высшей степени искусного труда¹⁸.

¹⁸ Хлопок, выращивавшийся в этих городах, вероятнее всего был *G. hirsutum Palmeri*, род хлопка, о котором известно, что он выращивался в местности, являющейся сейчас мексиканскими штатами Оахака и Герреро. Описание растения из C. Wayne Smith and J. Tom Cothren, eds., *Cotton: Origin, History, Technology, and Production* (New York: John Wiley & Sons, 1999), 11; Angus Maddison, *The World Economy: A Millennial Perspective* (Paris: Development Centre of the Organisation for Economic Cooperation and Development, 2001), 263; Frances F. Berdan, "Cotton in Aztec Mexico: Production, Distribution and Uses," *Mexican Studies* 3 (1987): 241ff.; Joseph B. Mount-joy, "Prehispanic Cultural Development Along the Southern Coast of West Mexico," in Shirley Gorenstein, ed., *Greater Mesoamerica: The Archeology of West and Northwest Mexico* (Salt Lake City: University of Utah Press, 2000), 106; Donald D. Brandt, "The Primitive and Modern Economy of the Middle Rio Balsas,

На протяжении веков как до, так и после этого похожие картины разворачивались на широких просторах обитаемых земель по всему миру. От Гуджарата до Сулавези, от берегов Вольты до Рио-Гранде, от долин Нубии до равнин Юкатана люди на трех континентах выращивали хлопок на своих полях, а затем в расположенных поблизости домах изготавливали из него ткани, точно так же, как много поколений назад поступали их предки. Хлопчатник – выносливое растение, и в подходящих природных условиях, по всей видимости, способен хорошо расти без особой помощи фермеров. Оно произрастает в широком диапазоне условий благодаря своей «морфологической пластичности», то есть, на языке ученых-ботаников, своей способности «адаптироваться к разнообразным условиям произрастания путем укорочения, удлинения и даже прерывания своего периода цветения»¹⁹.

Многочисленные народы, которые выращивали хлопок, на протяжении тысяч лет не догадывались о том, что то же самое делали и другие народы по всей земле, населявшие полосу от 32–35 градусов южной до 37 градусов северной

Guerrero and Michoacan,” Eighth American Scientific Congress, Section 8, History and Geography (Washington, DC, 1940), Abstract; вес тюка хлопка в Мексике XVI века см.: Jose Rodriguez Vallejo, *Ixcatl, el algodon mexicano* (Mexico: Fondo de Cultura Economica, 1976), 64.

¹⁹ K. D. Hake and T. A. Kerby, “Cotton and the Environment,” *Cotton Production Manual* (UCANR Publications, 1996), 324–27; Frederick Wilkinson, *The Story of the Cotton Plant* (New York: D. Appleton & Company, 1899), 39.

широты. В этих районах климат был пригоден для выращивания хлопчатника. Будучи субтропическим растением, он нуждался в температурах не ниже 50° по Фаренгейту в период роста, которые, как правило, держались выше 60°. Хлопок, как мы знаем сегодня, хорошо растет там, где заморозков не бывает на протяжении порядка 200 дней и где выпадает от 20 до 25 дюймов дождей в год, причем преимущественно в середине периода роста – это распространенные климатические условия, что объясняет изобилие хлопка на многих континентах. Семена закладываются в бороздки на расстоянии около трех футов друг от друга, а затем покрываются землей. Для вызревания хлопка требуется от 160 до 200 дней²⁰.

Самостоятельно или через контакты с другими народами все, кто выращивал хлопок, обнаружили, что мягкое белое волокно, извлеченное из семенной коробочки, превосходно подходит для изготовления нити. Из этой нити, в свою очередь, можно было соткать ткань, которая легко стиралась, приятно ощущалась на теле и эффективно защищала от палящих солнечных лучей – а также, до некоторой степени, от холода. Уже тысячу лет назад производство хлопковых тканей в Азии, Африке и Америке было крупнейшей в мире от-

²⁰ Имеется (небольшое) несогласие между Gavin Wright, *The Political Economy of the Cotton South: Households, Markets, and Wealth in the Nineteenth Century* (New York: Norton, 1978), 14–5, и Jason Clay, *World Agriculture and the Environment: A Commodity-by-Commodity Guide to Impacts and Practices* (Washington, DC: Island Press, 2004), 284–87.

расплю производству. Сложные торговые сети, в основном местного масштаба, среди которых было, однако, и несколько региональных, соединяли хлопководов, прядильщиков, ткачей и потребителей.

История одежды с трудом поддается реконструкции, поскольку ткани по большей части не выдержали разрушительного влияния времени. Мы знаем, что с самого перемещения *Homo sapiens* из африканской саванны в более холодный климат приблизительно сто тысяч лет назад ему приходилось защищаться от стихий. Те разрозненные археологические данные, которыми мы владеем, говорят нам о том, что сначала люди использовали в качестве одежды мех и кожу животных. Есть свидетельства тому, что они пряли и ткали лен уже 30 тысяч лет назад. Это производство тканей существенно расширилось примерно 12 тысяч лет назад, когда люди перешли к оседлому существованию и начали заниматься сельским хозяйством и скотоводством. Затем мужчины и женщины начали более широко экспериментировать с прядением и изготовлением ткани из различных волокон для защиты от холода и зноя²¹.

Методы получения ткани из растений были изобретены независимо в разных частях света. В Европе люди начали

²¹ Ralf Kittler, Manfred Kaysar, and Mark Stoneking, "Molecular Evolution of *Pediculus humanus* and the Origin of Clothing," *Current Biology* 13 (August 19, 2003): 1414–15; о намного более ранних временах прядения и ткачества см.: Eliso Kvabadze et al., "30,000 Year-Old Wild Flax Fibres," *Science* 11 (September 2009): 1359.

ткать из различных трав, а также льна в эпоху неолита, приблизительно 12 тысяч лет назад. Примерно 4 тысячи лет назад, в бронзовом веке, они начали получать шерсть от животных. На Ближнем Востоке и в Северной Африке за 7 тысяч лет до нашей эры люди также пряли и ткали из разнообразных видов шерсти и льна. В те же тысячелетия китайские крестьяне и ремесленники изготавливали одежду из китайской крапивы рами и шелка. По мере увеличения стратификации обществ ткани становились важным показателем социального статуса²².

В этом мире льна, шерсти, рами и шелка постепенно росло значение хлопка. Примерно 5 тысяч лет назад жители индийского субконтинента, насколько нам известно, впервые открыли возможность изготовления нити из хлопковых волокон. Почти одновременно обитатели побережья, которое сегодня относится к Перу, ничего не зная об открытиях в Южной Азии, повторили их открытие. Несколькими тысячелетиями позже в Восточной Африке также были разработаны методы прядения и изготовления тканей из хлопка. В каждом из этих регионов хлопок быстро стал главным видом

²² Almut Bohnsack, *Spinnen und Weben: Entwicklung von Technik und Arbeit im Textil-gewerbe* (Reinbek: Rowohlt, 1981), 32, 31; см.: *Kleidung*, in Johannes Hoops, *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*, vol. 16 (Berlin: Walter de Gruyter, 2000), 603–25; Mary Schoeser, *World Textiles: A Concise History* (New York: Thames & Hudson World of Art, 2003), 20; *Kleidung*, in Max Ebert, ed., *Reallexikon der Vorgeschichte*, vol. 6 (Berlin: Walter de Gruyter, 1926), 380–94; Harry Bates Brown, *Cotton: History, Species, Varieties, Morphology, Breeding, Culture, Diseases, Marketing, and Uses* (New York: McGraw-Hill, 1938), 1.

волокна для прядения нитей, так как по своим свойствам он явно превосходил лен, рами и другие волокна. В первые тысячелетия культивации этого растения производство хлопковых товаров редко переходило границы естественной зоны его произрастания, но все, кто сталкивался с ним, находили его замечательным материалом для производства одежды: мягким, износостойким, легким, а также простым как в окрашивании, так и в чистке.

Свидетельства ключевой роли хлопка в ранних обществах можно найти в мифах о сотворении мира и священных текстах многих народов. В индуистских священных текстах хлопок выступает часто и заметно. Вишну, по верованиям индуистов, соткал «себе одежду из лучей солнца». Народы Западной Африки приписывали свое мастерство Анансе, имеющему вид паука божеству. В Северной Америке верили, что богиня-паучиха Хопи пряла и ткала хлопок. Народ навахо верил в то, что Бегочидди, один из четырех сыновей Луча Солнечного и Дневного Света, создал и посадил хлопчатник после сотворения гор и насекомых. Согласно верованию навахо, «Когда в твоём племени родится девочка, ты пойдешь и разыщешь паутину... и потрешь ею ладонь и всю руку младенца. Поэтому она начнет ткать, когда вырастет, и пальцы и руки ее не будут знать усталости». В Китае, согласно тексту 1637 года, относящемуся к позднему периоду династии Мин, одежда, в том числе хлопковая, отличает людей от животных, а среди людей «отличает правителей от

подданных». Кроме того, идея судьбы, которую прядут или ткнут, была центральной для множества различных культур, в том числе – что неудивительно – тех, в которых важнейшую роль играл хлопок²³.

Современные ботаники не ограничиваются восприятием хлопка как дара богов, однако они не менее впечатлены. Биологи полагают, что хлопчатник растет на земле уже 10 или 20 млн лет. За это время развились четыре генетически различных вида хлопчатника – мезоамериканский *G. hirsutum*, южноамериканский *G. barbadense*, африканский *G. herbaceum* и азиатский *G. arboretum*. От этих четырех видов, в свою очередь, произошли сотни новых разновидностей, из которых лишь несколько вышли в лидеры коммерческого производства хлопка. Сегодня более 90 % мирового урожая хлопка приходится на сорта *G. hirsutum*, также известного как американский «апленд». Растение еще больше из-

²³ См., например: T. W. Rhys Davids, trans., *Vinaya Texts* (Oxford: Clarendon Press, 1885), 168; Georg Buehler, trans., *The Sacred Laws of the Aryas* (Oxford: Clarendon Press, 1882), 165, 169, 170; Vijaya Ramaswamy, *Textiles and Weavers in South India* (New York: Oxford University Press, 2006), 1, 57; Doran Ross, ed., *Wrapped in Pride: Ghanaian Kente and African American Identity* (Los Angeles: UCLA Fowler Museum of Cultural History, 1998), 77; Frank Goldtooth, как записано Stanley A. Fishler, *In the Beginning: A Navaho Creation Myth* (Salt Lake City: University of Utah Press, 1953), 16; Aileen O'Bryan, *The Dine: Origin Myths of the Navaho Indians*, Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, Bulletin 163 (Washington, DC: Government Printing Office, 1956), 38; Francesca Bray, "Textile Production and Gender Roles in China, 1000–1700," *Chinese Science* 12 (1995): 116; Anthony Winterbourne, *When the Norns Have Spoken: Fate in Germanic Paganism* (Madison, NJ: Fairleigh Dickinson University Press, 2004), 96.

менилось в результате окультуривания людьми. За пять тысяч лет, согласно одному из экспертов, наши предки сделали из «непослушных многолетних кустов и деревьев с мелкими непроницаемыми семенами, покрытыми редкими грубыми и плохо отделяемыми волосками низкие, компактные однолетние растения с обильным длинным белым пухом на крупных и легко прорастающих семенах». Хлопководы тщательно экспериментировали с этим растением, постепенно трансформируя его и наделяя способностью удовлетворять их растущую потребность в ткани. Они адаптировали его к особым экологическим нишам, перевозили на дальние расстояния, расширяли регионы произрастания и повышали сортовое разнообразие. Как было и с множеством других объектов природного мира, культивация человеком радикально ускорила и перенаправила биологическую историю хлопка, а на протяжении XIX века этот процесс активизировался и приобрел огромную важность в империи хлопка²⁴.

Фермеры в долине Инда были первыми, кто начал прясть и ткать хлопок. В 1929 году археологи обнаружили фрагменты хлопковых тканей в Мохенджо-Даро, который находится в нынешнем Пакистане, относящиеся к периоду с 3250 по 2750 год до н. э. Семена хлопка, найденные в Мергаре, дати-

²⁴ C. L. Brubaker et al., “The Origin and Domestication of Cotton,” in C. Wayne Smith and J. Tom Cothren, eds., *Cotton: Origin, History, Technology, and Production* (New York: John Wiley & Sons, 1999), 4, 5–6, 12, 17, 22; Wafaa M. Amer and Osama A. Momtaz, “Historic Background of Egyptian Cotton (2600 BC— AD 1910),” *Archives of Natural History* 26 (1999): 219.

рованы 5000 годом до н. э. Имеющиеся в литературе ссылки снова указывают на древнюю природу хлопковой отрасли этого субконтинента. Ведические тексты, составленные между 1500 и 1200 годами до н. э., упоминают прядение и изготовление ткани из хлопка. В первых отчетах иностранных путешественников в Южную Азию также упоминается хлопок: древнегреческий историк Геродот (484–425 годы до н. э.) был знаком с тонкой индийской хлопковой одеждой, заметив в 445 году до н. э., что на этом субконтиненте «плоды дикорастущих деревьев дают здесь шерсть, по красоте и прочности выше овечьей шерсти»²⁵.

С древнейших времен и на протяжении значительной части XIX века – то есть в течение нескольких тысячелетий

²⁵ Thomas Robson Hay and Hal R. Taylor, “Cotton,” in William Darrach Halsey and Emanuel Friedman, eds., *Collier's Encyclopedia, with Bibliography and Index* (New York: Macmillan Educational Co., 1981), 387; A. Lucas, *Ancient Egyptian Materials and Industries*, 4th ed., revised by J. R. Harris (London: Edward Arnold, 1962), 147; Richard H. Meadow, “The Origins and Spread of Agriculture and Pastoralism in Northwestern South Asia,” in David R. Harris, ed., *The Origins and Spread of Agriculture and Pastoralism in Eurasia* (London: UCL Press, 1996), 396; традиционное индийское описание этих классических занятий см.: S. V. Puntambekar and N. S. Varadachari, *Hand-Spinning and Hand-Weaving: An Essay* (Ahmedabad: All India Spinners' Association, 1926), 1–9; James Mann, *The Cotton Trade of Great Britain* (London: Simpkin, Marshall & Co., 1860), 1, 2–3; Brown, *Cotton*, 2; см. также: Herodotus, *The Histories*, ed. A. R. Burn, trans. Aubrey de Selincourt, rev. ed., Penguin Classics (Harmondsworth, UK: Penguin, 1972), 245; см. также: Arno S. Pearse, *The Cotton Industry of India, Being the Report of the Journey to India* (Manchester: Taylor, Garnett, Evans, 1930), 15; J. Forbes Royle, *On the Culture and Commerce of Cotton in India and Elsewhere: With an Account of the Experiments Made by the Hon. East India Company up to the Present Time* (London: Smith, Elder & Co., 1851), 116ff.

– население индийского субконтинента было ведущим мировым производителем хлопка. Крестьяне на территориях, сегодня лежащих в границах Индии, Пакистана и Бангладеш, культивировали небольшие объемы хлопчатника вместе с пищевыми растениями. Они пряли и ткали хлопок для собственного пользования и для продажи на местных и региональных рынках. Большинство регионов Южной Азии еще на протяжении большей части XIX века производили всю ткань, необходимую для собственного потребления. Они собирали урожай вручную, использовали валковый волокноотделитель для устранения семян, удаляли грязь и узлы с помощью лука (деревянного инструмента с привязанной струной, вибрировавшей от удара палкой), пряли из волокна нить с помощью лопаски (приспособления для поддержки кудели) и веретена, а затем ткали из этой нити ткани с помощью ткацких станков, натянутых между деревьями²⁶.

О качестве индийского хлопка высшего разряда ходили легенды: в XIII веке европейский путешественник Марко Поло спустя более чем 1700 лет дополнил наблюдения Геродота, отметив на побережье Коромандела «тончайшие и прекраснейшие хлопковые ткани из всех, которые только можно найти в какой бы то ни было части света». Еще через

²⁶ Brown, *Cotton*, 5; Edward Baines, *History of the Cotton Manufacture in Great Britain* (London: H. Fisher, R. Fisher, and P. Jackson, 1835), 65–70; см.: Prasannan Parthasarathi, “Cotton Textiles in the Indian Subcontinent, 1200–1800,” in Giorgio Riello and Prasannan Parthasarathi, eds., *The Spinning World: A Global History of Cotton Textiles, 1200–1850* (New York: Oxford University Press, 2009), 23–25.

600 лет Эдвард Бейнс, владелец газеты и эксперт по хлопку из Лидса, сообщил, что лучшая индийская ткань была «почти невероятного совершенства... О некоторых их муслинах можно подумать, что это работа фей или насекомых, а не людей». Это была «паутина, сотканная из ветра»²⁷.

Индийский субконтинент был в этом, тем не менее, далеко не единственным. В Америке хлопок имелся в изобилии, а хлопковая ткань была распространена повсеместно еще задолго до прибытия европейцев в Новый Свет. Вдоль дуги длиной 4000 километров, проходившей через Мезоамерику и Карибы в Южную Америку, хлопок был самой важной отраслью производства. Пожалуй, старейший центр производства хлопка находился на территории сегодняшнего Перу. Там археологи в процессе раскопок обнаружили хлопковые рыболовные сети, датированные 2400 годом до н. э., и фрагменты тканей возрастом 1600–1500 годами до н. э. Когда Франциско Писарро в 1532 году напал на Инкскую империю, он поразился качеством и количеством увиденной им хлопковой материи. В инкском городе Кахамалка конкистадоры нашли хранилища, полные хлопковых тканей, «намного превосходивших какие-либо из виденных прежде по тон-

²⁷ Н. Wescher, "Die Baumwolle im Altertum," in *Ciba-Rundschau* 45 (June 1940): 1635; Alwin Oppel, *Die Baumwolle* (Leipzig: Duncker & Humblot, 1902), 206–7; цит. по: Clinton G. Gilroy, *The History of Silk, Cotton, Linen, Wool, and Other Fibrous Substances* (New York: Harper & Brothers, 1845), 334; см.: Marco Polo, *Travels of Marco Polo* (Westminster, MD: Modern Library, 2001), 174; Baines, *History of the Cotton Manufacture*, 56, 58.

кости текстуры и мастерству, с которым были смешаны различные цвета»²⁸.

Европейцы были удивлены точно так же спустя десять лет, когда в нескольких тысячах миль к северу проникли в Ацтекскую империю и увидели там необыкновенный хлопок. Помимо золота и других сокровищ, Эрнан Кортес отправил Карлу V хлопковую ткань, виртуозно выкрашенную индиго и кармином. Мезоамериканская хлопковая отрасль, как и его южноамериканская копия, имела долгую историю. Хлопок сажали там, где сегодня расположена центральная часть Мексики, уже в 3400 году до н. э., а самая старая нить, найденная в археологических раскопках, датируется периодом с 1200 по 1500 год до н. э. Документальные свидетельства, указывающие на использование хлопка майя, относятся еще к 632 году до н. э., а в низине, где расположен современный Веракрус, хлопковая отрасль возникла, вероятно, между 100 годом до н. э. и 300 годом н. э. По мере того как обычай носить хлопок переходил от элит к простому народу, объем производства вырос, особенно с военным и экономическим становлением империи ацтеков после 1350 года. И поскольку хлопок стало носить больше людей, его обработка

²⁸ A. G. Hopkins, *An Economic History of West Africa* (New York: Columbia University Press, 1973), 48; M. D. C. Crawford, *The Heritage of Cotton: The Fibre of Two Worlds and Many Ages* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1924), 46; Amer and Momtaz, "Historic Background," 212; Oppel, *Die Baumwolle*, 209; William H. Prescott, *History of the Conquest of Peru* (Westminster, MD: Modern Library, 2000), 51, 108, 300.

становилась все более важным занятием. Методы ткачества и окраски становились все более совершенными и не в последней мере были призваны продемонстрировать социальные различия с помощью особенностей костюма²⁹.

После завоевания Центральной Америки испанскими колонистами в XVI веке коренные жители продолжали производство. Один колониальный испанский администратор, дон Хуан де Вильягутьерре Сото-Майор, в конце XVII века хвалил индейских женщин бывшей империи Майя, которые «прядут хлопок и ткут ткани энергично и умело, окрашивая их в прекрасные цвета». Кроме одежды, хлопок использовался в религиозных подношениях, в качестве подарка, средства обмена, для декоративных завес, обертывания мумий, в качестве доспехов и даже в медицинских целях. По оценкам, в доколумбовой Мексике производилось в год 116 млн фунтов хлопка, что соответствует урожаю хлопка в США в 1816 году. Когда правители Теночтитлана расширили пределы своей власти, они стали получать дань с регионов, выращивавших и производивших хлопок. Места в

²⁹ Gilroy, *History of Silk*, 331–32; Smith and Hirth, “Development of Prehispanic Cotton-Spinning,” 353; Barbara L. Stark, Lynette Heller, and Michael A. Ohnerson, “People with Cloth: Mesoamerican Economic Change from the Perspective of Cotton in South-Central Veracruz,” *Latin American Antiquity* 9 (March 1978): 9, 25, 27; Crawford, *Heritage*, 32, 35; Smith and Hirth, “Development of Prehispanic Cotton-Spinning,” 355; Barbara Ann Hall, “Spindle Whorls and Cotton Production at Middle Classic Matcacapan and in the Gulf Lowlands,” in Barbara L. Stark and Philip J. Arnold III, eds., *Olmec to Aztec: Settlement Patterns in the Ancient Gulf Lowlands* (Tucson: University of Arizona Press, 1997), 117, 133, 134.

Ацтекской империи, которые играли особенно выдающуюся роль в выращивании хлопка, имели названия, которые на языке науатль означали «в храме хлопка», «в реке хлопка» и «на холме хлопка»³⁰.

Мексика и Перу были центрами доколумбового хлопкового производства, но изготовление хлопковых тканей распространилось и на другие части континента. Там, где сегодня находится Бразилия, хлопковые волокна, собранные с диких растений, использовались для изготовления ткани. Там, где теперь расположены юго-западные районы США, коренные американцы стали активнейшими производителями хлопка, особенно племена навахо и хопи, возможно, уже в 300 году до н. э. Знание о хлопке пришло на западное побережье Мексики из Центральной Америки. Когда испанские поселенцы начали контактировать с индейцами к северу от Рио-Гранде, они заметили, что «индейцы прядут хлопок и ткут

³⁰ Juan de Villagutierre Soto-Mayor, *History of the Conquest of the Province of the Itza*, 1st English edition, translated from the 2nd Spanish edition by Robert D. Wood (Culver City, CA: Labyrinthos, 1983), 197; Berdan, "Cotton in Aztec Mexico," 235–36, 239; Smith and Hirth, "Development of Prehispanic Cotton-Spinning," 356; R. B. Handy, "History and General Statistics of Cotton," in *The Cotton Plant: Its History, Botany, Chemistry, Culture, Enemies, and Uses*, prepared under the supervision of A. C. True, United States Department of Agriculture, Office of Experiment Stations, Bulletin 33 (Washington, DC: Government Printing Office, 1896), 63; United States, *Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970*, vol. 1 (Washington, DC: U.S. Dept. of Commerce, Bureau of the Census, 1975), Series K-550–563, "Hay, Cotton, Cottonseed, Shorn Wool, and Tobacco – Acreage, Production, and Price: 1790 to 1970," 518; Hall, "Spindle Whorls," 118; Berdan, "Cotton in Aztec Mexico," 238; Stark, Heller, and Ohnersorgen, "People with Cloth," 14, 29.

ткань», и что они «носят хлопковые одеяла типа кампече, поскольку имеют обширные хлопковые поля». Для некоторых индейских племен хлопок имел еще и важное применение в религиозной практике: хопи использовали его как символ облаков во время церемоний молитвы о дожде и клали его на лица умерших «для того, чтобы сделать духовное тело легким, как облако». Хлопок был распространен и на Карибских островах. На самом деле одной из причин, по которым Христофор Колумб считал, что достиг Индии, были огромные количества хлопка, которые он увидел на Карибах; он рассказывал об островах, «полных... хлопка»³¹.

Выращивание и обработка хлопка имеет долгую историю и в Африке. Вероятно, впервые его начали выращивать нубийцы на территории нынешнего восточного Судана. Некоторые утверждают, что волокна выращивались, прялись и

³¹ Brown, *Cotton*, 14; Kate Peck Kent, *Prehistoric Textiles of the Southwest* (Santa Fe, NM: School of American Research Press, 1983), 9, 27, 28, 29; цит. по: Ward Alan Minge, "Effectos del Pais: A History of Weaving Along the Rio Grande," in Nora Fisher, ed., *Rio Grande Textiles* (Santa Fe: Museum of New Mexico Press, 1994), 6; Kate Peck Kent, *Pueblo Indian Textiles: A Living Tradition* (Santa Fe, NM: School of American Research Press, 1983), 26; Crawford, *Heritage*, 37; David Watts, *The West Indies: Patterns of Development, Culture and Environmental Change Since 1492* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990), 65, 89, 174; Mann, *Cotton Trade*, 4; Christopher Columbus, November 4, 1492, *The Diario of Christopher Columbus's first voyage to America: 1492–1493*, abstracted by Fray Bartolome de las Casas, transcribed and translated into English, with notes and a concordance of the Spanish, by Oliver Dunn and James E. Kelley Jr. (Norman: University of Oklahoma Press, 1989), 131–35; см.: записи за 16 октября, 3 ноября и 5 ноября 1492 г., 85–91, 131, 135.

ткались уже в 5000 году до н. э., хотя археологические находки в Мероэ, бывшем городе на восточном берегу Нила, подтверждают присутствие хлопковых тканей только в период с 500 года до н. э. и 300 года н. э. Из Судана хлопок распространился на север до Египта. Хотя хлопковые ткани не играли существенной роли в древнеегипетских цивилизациях, мы знаем, что хлопковое семя использовалось как корм для скота уже в 2600–2400 годах до н. э., а изображения Карнакского храма в Луксоре содержат тюки хлопка. И все же культивация и обработка хлопка набрала силу в Египте между 332 годом до н. э. и 395 годом н. э. В 70 году н. э. Плиний Старший заметил, что «в верхней части Египта, вблизи Аравии, растет кустарник, который некоторым известен как госсипиум. Он невысок и приносит плоды, на вид напоминающие орех с бородой и содержащие внутри шелковистое вещество, пух, из которого прядут нити. Никто не знает ткани, которая по белизне, мягкости или качеству получаемых из нее одежд превосходила бы ту, что делается из этих нитей...» После 800 года хлопок и производство изделий из него продолжили свой путь на крыльях ислама³².

³² Pliny the Elder, *The Natural History of Pliny*, vol. 4, trans. John Bostock and H. T. Riley (London: Henry G. Bohn, 1856), 134–35; Mann, *Cotton Trade*, 3. Christopher Ehret, *The Civilizations of Africa: A History to 1800* (Charlottesville: University Press of Virginia, 2002), 67–68; Ross, *Wrapped in Pride*, 75; Lars Sundstrom, *The Trade of Guinea* (Lund: Hakan Ohlssons Boktryckeri, 1965), 148; F. L. Griffith and G. M. Crowfoot, “On the Early Use of Cotton in the Nile Valley,” *Journal of Egyptian Archeology* 20 (1934): 7; Amer and Momtaz, “Historic Background,” 212, 214, 215, 217.

Знание о том, как выращивать и обрабатывать хлопок, добралось и до Западной Африки. Как именно хлопок там оказался, до сих пор неизвестно, однако возможно, что его привезли с собой из Восточной Африки странствующие ткачи и торговцы в начале нашей эры. С пришествием ислама в VIII веке хлопковая отрасль существенно расширилась, так как мусульманские учителя обучали девушек прясть, а юношей ткать, насаждая ранее невообразимую скромность в одежде среди народов, чьи природные условия практически ее не требовали. В результате раскопок в Африке южнее Сахары были найдены хлопковые ткани, датированные X веком. Литературные источники и археологические находки свидетельствуют о том, что в Западной Африке хлопок пряли и ткали в конце XI века – к этому времени он уже распространился на юг, достигнув сегодняшнего Того. К началу XVI века Лев Африканский сообщил о «великом изобилии» хлопка в «царстве Мелли» и богатстве торговцев хлопком в «царстве Томбуто», имея в виду великие восточноафриканские империи Мали и Тимбукту³³.

³³ M. Kouame Aka, "Production et circulation des cotonnades en Afrique de l'Ouest du XIeme siecle a la fin de la conquette coloniale (1921)" (PhD dissertation, Universite de Cocody-Abidjan, 2013), 18, 41; Marion Johnson, "Technology, Competition, and African Crafts," in Clive Dewey and A. G. Hopkins, eds., *The Imperial Impact: Studies in the Economic History of Africa and India* (London: Athlone Press, 1978), 176, 195, 201; Venice Lamb and Judy Holmes, *Nigerian Weaving* (Roxford: H. A. & V. M. Lamb, 1980), 15, 16; Marion Johnson, "Cloth Strips and History," *West African Journal of Archaeology* 7 (1977): 169; Philip D. Curtin, *Economic Change in Precolonial Africa: Senegambia in the Era of the Slave Trade* (Madison:

Окультурирование, прядение и изготовление тканей из хлопка, насколько нам известно, независимо развивались в этих трех регионах мира³⁴. Однако из Южной Азии, Центральной Америки и Восточной Африки знание быстро распространялось по торговым и миграционным маршрутам – из Мезоамерики на север, например, и из Восточной Африки на запад. Центром этих передвижений хлопковой отрасли была Индия. Оттуда мастерство выращивания и обработки хлопка перемещалось на запад, восток и юг, делая Азию центром мировой хлопковой отрасли, и положение дел оставалось таковым на протяжении существенной части XIX века, а затем вернулось в конце XX века. Расположение Индии и мастерство обращения с хлопком ее жителей самым серьезным образом повлияли на ту выдающуюся роль, которую хлопок играет в нашем мире с того самого момента, как

University of Wisconsin Press, 1975), 48; Marion Johnson, “Cloth as Money: The Cloth Strip Currencies of Africa,” in Dale Idiens and K. G. Pointing, *Textiles of Africa* (Bath: Pasold Research Fund, 1980), 201. В юго-восточной Африке также имелось производство хлопкового текстиля. Patricia Davison and Patrick Harries, “Cotton Weaving in South-east Africa: Its History and Technology,” in Idiens and Pointing, *Textiles of Africa*, 177, 179, 180; Marie Philiponeau, *Le coton et l'Islam: Fil d'une histoire africaine* (Algiers: Casbah Editions, 2009), 15, 17; Ross, *Wrapped in Pride*, 75; Rita Bolland, *Tellem Textiles: Archaeological Finds from Burial Caves in Mali's Bandiagara Cliff* (Leiden: Rijksmuseum voor Volkenkunde, 1991); Leo Africanus, *The History and Description of Africa and of the Notable Things Therein Contained, Done in the English in the Year 1600 by John Pory*, vol. 3 (London: Hakluyt Society, 1896), 823, 824.

³⁴ Информацию о многообразии происхождения хлопка и его окультурировании см.: Meadow, “Origins,” 397.

группа европейцев, одетых, вне всякого сомнения, в меха, шерсть и лен, была в высшей степени поражена, более двух тысяч лет назад столкнувшись с этими чудесными новыми материями, прибывающими с мифического «Востока».

Однако до его обнаружения европейцами хлопок активно изменял жизнь других народов. Из Индии он переместился через Туркестан на запад – на Средний Восток и потом в Средиземноморье. У нас есть свидетельства того, что еще до нашей эры хлопок выращивали в Персии, Месопотамии и Палестине. Одежда из хлопка, датированная приблизительно 1100 годом до н. э., была найдена в Ниневии (сегодняшний Ирак), а ассирийский цилиндр VII века до н. э. свидетельствует о приносящем шерсть дереве. Через несколько сотен лет, в первые века нашей эры, культивировать хлопок начали крестьяне Анатолии. Как и в Африке, важнейшую роль в распространении искусства выращивания, прядения и изготовления тканей из хлопка в Средиземноморье сыграл ислам, так как религиозный императив скромности сделал хлопок «обычным предметом одежды». В Иране IX–X веков произошел «хлопковый бум» с поставками на городские рынки, особенно в Багдаде. В XIII веке Марко Поло встречал хлопок и хлопковые ткани повсюду от Армении до Персии, и «изобилие» хлопка по всей Азии стало важным мотивом его отчетов³⁵.

³⁵ Brown, *Cotton*, 8; Maureen Fennell Mazzaoui, *The Italian Cotton Industry in the Later Middle Ages, 1100–1600* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981), 11,

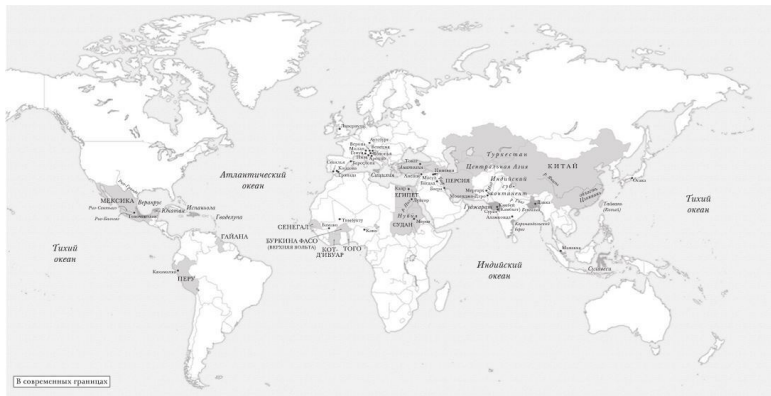
В то время как культивация хлопка продвигалась на запад, знание о хлопке распространилось также из Индии на восток по всей Азии и особенно в Китае. Притом что Китай в конечном итоге стал одним из самых значимых производителей хлопка и хлопковых тканей во всем мире и сегодня является одним из центров мировой хлопковой отрасли, это растение не произрастало там изначально. Действительно, китайское слово, обозначающее хлопок и хлопковое волокно, заимствовано из санскрита и других языков Индии³⁶. К 200 году до н. э. хлопок был известен в Китае, но в течение следующего тысячелетия не распространился широко за пределы юго-западной границы тех регионов, где он был изначально.

Хлопок получил широкое распространение в сельской местности Китая при династии Юань (1271–1368). В эти годы он, по сути, заменил рами, который в Китае наряду с шелком служил традиционным материалом для изготовления тканей. К 1433 году подданные Китайской империи могли платить налоги хлопком, что позволило государству одеть в него своих солдат и чиновников. Как мы увидим, связь

15, 17–18; Lucas, *Ancient Egyptian Materials*, 148; Hartmut Schmoekel, Ur, *Assur und Babylon: Drei Jahrtausende im Zweistromland* (Stuttgart: Gustav Klipper Verlag, 1958), 131; Baines, *History of the Cotton Manufacture*, 27; Richard W. Bulliet, *Cotton, Climate, and Camels in Early Islamic Iran: A Moment in World History* (New York: Columbia University Press, 2009), 1, 8, 46; Marco Polo, *Travels*, 22, 26, 36, 54, 58, 59, 60, 174, 247, 253, 255.

³⁶ Chao Kuo-Chun, *Agrarian Policy of the Chinese Communist Party, 1921–1959* (Westport, CT: Greenwood Press, 1977), 5, 8ff.

между этой культурой и налогообложением была одним из многих случаев проявления интереса политических властей к хлопковой отрасли.

Мир хлопка: первые 500 лет

Во время экспансии династии Мин (1368–1644) производство хлопка распространилось на завоеванных Китаем территориях. По оценкам, в конце династии Мин производство хлопка в Китае составляло 20 млн тюков в год. Возникло географическое разделение труда, при котором фермеры северных районов отправляли хлопок-сырец на юг, к нижнему течению Янцзы, и там фермеры изготавливали из него, а также хлопка, выращенного на собственных полях, ткани, некоторые из которых они продавали обратно на север. Эта межрегиональная торговля была настолько оживленной, что

на хлопковую ткань приходилась четверть имперского объема торговли. К XVII веку почти все китайские мужчины, женщины и дети носили одежду из хлопка. Неудивительно, что, когда в течение XVIII века население Китая удвоилось и составило 400 млн человек, его хлопковая отрасль стала второй по величине в мире после индийской. В 1750 году, когда в предшествовавшее гражданской войне в США десятилетие хлопководы увеличили объемы производства, урожай хлопка оценивался в 1,5 млрд фунтов, что приблизительно соответствовало объему производства США³⁷.

Индийские технологии обработки хлопка также распространились в Юго-Восточной Азии. По мере развития мастерства производителей хлопковая ткань стала самым ценным после продуктов питания произведенным товаром в регионе. Буддийские монахи привезли его на остров Ява между III и V веками нашей эры. Много позже, между 1525 и 1550 годами, хлопководство достигло Японии. К XVII веку хлопок стал важной коммерческой культурой, так как мелкие

³⁷ Craig Dietrich, "Cotton Culture and Manufacture in Early Ch'ing China," in W. E. Willmott, ed., *Economic Organization in Chinese Society* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1972), 111ff.; Mi Chu Wiens, "Cotton Textile Production and Rural Social Transformation in Early Modern China," *Journal of the Institute of Chinese Studies of the Chinese University of Hong Kong* 7 (December 1974): 516, 517ff., 519; Frederick W. Mote and Denis Twitchett, eds., *The Cambridge History of China*, Vol. 7, *The Ming Dynasty, 1368–1644*, part 1 (New York: Cambridge University Press, 1998), 256, 507; Kenneth Pomeranz, "Beyond the East-West Binary: Resituating Development Paths in the Eighteenth-Century World," *Journal of Asian Studies* 61 (May 2002): 569; United States, *Historical Statistics*, 518.

фермеры выращивали хлопок, чтобы заработать на уплату налогов, часто попеременно с рисом³⁸. С прибытием хлопка в Японию первоначально индийская культура хлопка распространилась на большей части Азии.

Этот мир хлопка, который формировали крестьяне, прядильщики, ткачи и торговцы Америки, Африки и Азии в течение по крайней мере пяти тысячелетий, активно жил и расширялся. Несмотря на различия между его существованием на трех континентах, центры этой колоссальной производственной отрасли имели между собой много общего. Самое главное, выращивание и производство хлопка почти всегда оставалось мелкомасштабным, концентрируясь в домашних хозяйствах. Хотя некоторые хозяйства, где выращивался хлопок, продавали сырец на рынке, в том числе дальнем, а многие правители заставляли их расставаться с частью урожая в виде дани, эти хозяйства не зависели от одного только хлопка; они диверсифицировали свои экономические возможности, надеясь уменьшить риск насколько могли. На значительной части территории Африки и частично в Южной Азии и Центральной Америке такие модели сохра-

³⁸ Anthony Reid, *Southeast Asia in the Age of Commerce, 1450–1680*, vol. 1, *The Lands Below the Winds* (New Haven, CT: Yale University Press, 1988), 90; Crawford, *Heritage*, 7; William B. Hauser, *Economic Institutional Change in Tokugawa Japan: Osaka and the Kinai Cotton Trade* (Cambridge: Cambridge University Press, 1974), 117–20; Mikio Sumiya and Koji Taira, eds., *An Outline of Japanese Economic History, 1603–1940: Major Works and Research Findings* (Tokyo: University of Tokyo Press, 1979), 99–100.

нялись еще на протяжении XX века.

Таким образом, в течение тысячелетий домохозяйства выращивали хлопок в тонком равновесии с другими культурами. Семьи сажали хлопчатник рядом с пищевыми растениями, балансируя между, с одной стороны, своими и общественными потребностями в пище и волокне, а с другой – требованиями уплаты дани своим правителям. В Веракрусе, например, были распространены парные посадки пищевых зерновых культур и хлопчатника, что обеспечивало средствами к существованию и тех, кто выращивал хлопок, и тех, кто его пряд и ткал. На Юкатане крестьяне майя выращивали хлопок на полях, где также росли маис и бобы. В Западной Африке хлопок сажался «в междурядьях пищевых культур», таких как сорго в сегодняшнем Кот-д’Ивуар или ямс в сегодняшнем Того. В Гуджарате «кусты [хлопчатника] сажаются между рядами риса». В хлопковых районах Центральной Азии крестьяне выращивали волокно не только рядом с рисом, но и с пшеницей и просом, а в Корее – с бобами. Значимой монокультуры хлопка не возникало до XIX века, а когда эта монокультура возникла, появилась и жажда умножения земли и рабочей силы³⁹.

³⁹ Stark, Heller, and Ohnersorgen, “People with Cloth,” 10, 29; Howard F. Cline, “The Spirit of Enterprise in Yucatan,” in Lewis Hanke, ed., *History of Latin American Civilization*, vol. 2 (London: Methuen, 1969), 137; Johnson, “Technology,” 259; Thomas J. Bassett, *The Peasant Cotton Revolution in West Africa: Cote d’Ivoire, 1880–1995* (New York: Cambridge University Press, 2001), 33; James Forbes, *Oriental Memoirs: A Narrative of Seventeen Years Residence in India*, vol. 2 (London: Richard

Как и выращивание хлопка, его обработка во всем мире началась в домашних хозяйствах и, за некоторыми исключениями, оставалась там до XIX века. Например, на территориях правления ацтеков вся обработка хлопка была организована внутри домашних хозяйств. Также и в Африке «во многих случаях производство хлопковых товаров было исключительно семейным, и каждая социальная единица была полностью самодостаточна». Имеются аналогичные свидетельства для Индии, Китая, Юго-Восточной Азии, Центральной Азии и Османской империи. Домашнее производство позволяло семье изготавливать необходимую ей одежду, при этом оставляя товар для продажи на рынке. Поскольку потребности большинства аграрных обществ в невероятной степени менялись в зависимости от времени года, и поскольку собранный хлопок мог храниться месяцами, крестьяне могли сосредотачиваться на текстильном производстве с перерывами и в сезоны затишья в земледельческих работах. Особенно это касалось женщин, чья деятельность концентрировалась на домашней работе и которые могли посвятить некоторое время домашнему производству пряжи и ткани⁴⁰.

Bentley, 1834), 34; Moritz Schanz, "Die Baumwolle in Russisch-Asien," *Beihefte zum TROPENPFLANZER* 15 (1914): 2; о Kopee см.: Tozaburo Tsukida, *Kankoku ni okeru mensaku chosa* (Tokyo: No-shomu sho noji shikenjyo, 1905), 1–3, 76–83.

⁴⁰ Oppel, *Die Baumwolle*, 201; Berdan, "Cotton in Aztec Mexico," 241; Hall, "Spindle Whorls," 120; Sundstrom, *Trade of Guinea*, 147; Curtin, *Economic Change*, 50, 212; Brown, *Cotton*, 8; Reid, *Southeast Asia*, 93; Gilroy, *History of Silk*, 339; Carla M. Sinopoli, *The Political Economy of Craft Production: Crafting Empire in South India, c. 1350–1650* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), 185; A. Campbell,

В каждом обществе возникало четкое разделение труда между полами, в котором текстильное производство особенно сильно ассоциировалось с женщинами. В старом Китае даже существовала поговорка «мужчины возделывают землю, а женщины ткут». Кроме навахо, хопи и некоторых других народов Юго-Восточной Азии женщины во всем мире практически имели монополию на прядение. Поскольку прядь можно с перерывами, одновременно занимаясь и другими делами, например, приглядывая за маленькими детьми и готовя пищу, роль женщин в домашнем хозяйстве, как правило, позволяла им быть главными и в прядении. Связь женщин с производством ткани в некоторых культурах была настолько сильна, что женщин хоронили вместе с их прялками. В ткачестве, с другой стороны, столь застывшего разделения по половому признаку не возникло. В то время как ткачество было преимущественно мужским делом в таких местах, как Индия и Юго-Восточная Африка, было множество культур, в которых женщины тоже ткали, например, в Юго-Восточной Азии, Китае, Северной и Западной Африке. И все же в тех обществах, где ткачеством занимались и мужчины, и женщины, они обычно специализировались на разных узорах, выпускали различный по своим качествам товар и работали на разных ткацких станках. Это разделение

“Notes on the State of the Arts of Cotton Spinning, Weaving, Printing and Dyeing in Nepal,” *Journal of the Asiatic Society of Bengal* (Calcutta) 5 (January to December 1836): 222.

труда по половому признаку было воспроизведено в возникающей фабричной системе, делая взаимоотношения полов в домохозяйстве важным фактором в возникающем фабричном производстве⁴¹.

Встроенная в домохозяйства и их особые стратегии выживания эта старая хлопковая отрасль также характеризовалась медленным технологическим прогрессом в волокноотделении, прядении и ткачестве. Например, еще в XVIII веке женщине в Юго-Восточной Азии требовался месяц на то, чтобы спрясть фунт хлопка, и еще месяц, чтобы соткать десять ярдов ткани⁴². Столь значительное количество времени, необходимое для этой работы, отчасти было обусловлено тем, что экономисты называют «низкими альтернативными издержками» для труда, который направлялся в прядение и ткачество, а отчасти тем, что правители облагали производство своих подданных в максимально возможной мере. Более того, поскольку многие домохозяйства были самодостаточны, производя необходимый им текстиль самостоятельно, рынки имели ограниченный масштаб, что, опять же, снижало стимулы к усовершенствованию производственных методов.

И все же медленный технологический прогресс был также

⁴¹ Hall, "Spindle Whorls," 115, 116, 120, 122, 124; Davison and Harries, "Cotton Weaving," 182; Oppel, *Die Baumwolle*, 209; Prescott, *Conquest of Peru*, 51; Gilroy, *History of Silk*, 339, 343; Curtin, *Economic Change*, 213; Kent, *Prehistoric Textiles*, 35; Kent, *Pueblo Indian*, 28; Reid, *Southeast Asia*, 93; Sundstrom, *Trade of Guinea*, 148–49; Lamb and Holmes, *Nigerian Weaving*, 10–11; Johnson, "Technology," 261.

⁴² Reid, *Southeast Asia*, 94.

связан с ограниченным предложением сырья. В большинстве регионов мира хлопок-сырец плохо поддавался дальним перевозкам. Тягловые животные или люди иногда перевозили хлопок на относительно небольшие расстояния. В Ацтекской империи хлопок-сырец перевозился в горные районы для обработки, вероятно, на сотни миль. Более эффективной и распространенной была торговля хлопком, которая велась по водным путям. Во втором тысячелетии нашей эры, например, наблюдатели сообщали о сотнях, если не тысячах лодок, перевозивших хлопок вниз по реке Янцзы в район Цзяннань. Похожим образом хлопок из Гуджарата и центральной Индии сплавлялся по реке Ганг и вдоль его берега в Южную Индию и Бенгалию.

Тем не менее, вплоть до XIX века хлопок-сырец в основном пряли и ткали в пределах нескольких миль от тех мест, где он выращивался⁴³.

Так много людей в таком множестве частей света выращивали хлопок, пряли его и ткали материю, что, скорее всего, он был важнейшим производственным направлением в мире. И притом что домашнее производство хлопка для домашнего потребления до XIX века оставалось его важнейшим сектором, в преддверии промышленной революции 1780-

⁴³ Berdan, "Cotton in Aztec Mexico," 242, 259; Mote and Twitchett, *Ming Dynasty*, 507, 690ff.; K. N. Chaudhuri, "The Organisation and Structure of Textile Production in India," in Tirthankar Roy, ed., *Cloth and Commerce: Textiles in Colonial India* (Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 1996), 71; Wiens, "Cotton Textile," 520; Sinopoli, *Political Economy*, 177.

х годов произошли существенные изменения. Важнее всего, что хлопковые товары — отчасти потому, что они были столь трудоемки в производстве, — стали важным способом хранения ценности и средством обмена. Правители повсеместно взимали дань или налоги в виде хлопковой ткани, и безусловно можно сказать, что хлопок присутствовал при зарождении как таковой экономики государства. У ацтеков, например, он был важнейшим средством выплаты дани. В Китае начиная с XV века домохозяйства должны были выплачивать часть налогов хлопковой тканью. А в Африке выплата дани тканью была обычной практикой. Хлопковая ткань, хорошо подходившая в качестве средства уплаты налогов, также играла роль валюты в Китае, на всей территории Африки, в Юго-Восточной Азии и Мезоамерике. Ткань была идеальным средством обмена потому, что, в отличие от хлопка-сырца, легко поддавалась транспортировке на дальние расстояния, не портилась и имела большую ценность. Почти повсюду в Старом свете за хлопковую ткань можно было купить необходимые вещи: пищу, производственные товары, даже защиту⁴⁴.

Использование хлопка в качестве протоденег говорит о том, что не весь хлопок, с его благоприятным соотношением

⁴⁴ Berdan, "Cotton in Aztec Mexico," 242; Bray, "Textile Production," 119; Sundstrom, *Trade of Guinea*, 162; Curtin, *Economic Change*, 212; Davison and Harries, "Cotton Weaving," 187; Johnson, "Cloth as Money," 193–202; Reid, *Southeast Asia*, 90; Sundstrom, *Trade of Guinea*, 164; Stark, Heller, and Ohnersorgen, "People with Cloth," 9.

ценности и веса, использовался в непосредственной близости к месту производства. Действительно, все центры хлопковой отрасли, независимо возникшие в Америке, Африке и Азии, развивали все более сложные торговые сети, соединявшие хлопководов, производителей и потребителей, находившихся друг от друга на далеких расстояниях, а со временем даже на разных континентах. В Иране IX–X веков хлопковая отрасль привела к существенной урбанизации, направляя хлопок-сырец из окружающей сельской местности, где его пряли, ткали и шили из него одежду, для продажи на далеких рынках, особенно там, где теперь находится Ирак. В доколониальной Буркина-Фасо один автор полагает, что «хлопок был в центре торговли». Хлопковая материя из Гуджарата уже в IV веке до н. э. стала играть очень существенную роль в торговле между различными землями, лежавшими по разные стороны Индийского океана, и большие её объемы продавались на восточноафриканском побережье, откуда она попадала вглубь Африки. В процессе этого обмена купцы, особенно находясь вдали от своих родных стран, должны были подстраиваться под местные вкусы и были вынуждены предлагать продукцию по ценам, привлекательным для местных потребителей⁴⁵.

⁴⁵ Smith and Hirth, “Development of Prehispanic Cotton-Spinning,” 356; Bulliet, *Cotton, Climate, and Camels*, 46, 59; Philiponeau, *Coton et l’Islam*, 25; Pedro Machado, “Awash in a Sea of Cloth: Gujarat, Africa and the Western Indian Ocean Trade, 1300–1800,” in Giorgio Riello and Prasanna Parthasarathi, eds., *The Spinning World: A Global History of Cotton Textiles, 1200–1850* (New York: Oxford University

В Мезоамерике ткань перемещалась торговцами на многие сотни миль, в том числе в соседние государства, например, из Теночтитлана (который находился на территории современной Оахаки) в Гватемалу. На юго-востоке современных США пряжа и ткани также были важными предметами торговли. Предметы из хлопка находят в раскопках далеко от тех регионов, где мог расти хлопчатник. Начиная с XIII века китайские торговцы ввозили в страну хлопковую пряжу и ткань для дополнения внутреннего производства из таких далеких мест, как Вьетнам, Лузон и Ява. Сходным образом африканские купцы торговали хлопковыми тканями, покрывая дальние расстояния, например, обменивая хлопковую ткань из Мали на соль, которую привозили пустынные кочевники. Хлопковые ткани Османской империи проделывали путь к столь отдаленным местам, как Западная Европа, а в Японию хлопковые товары ввозились уже в XIII веке⁴⁶.

Press 2009), 161–79; важность удаленности торговцев от государств, из которых они происходят, также подчеркивается Gil J. Stein, *Rethinking World-Systems: Diasporas, Colonies, and Interaction in Uruk Mesopotamia* (Tucson: University of Arizona Press, 1999), 173.

⁴⁶ См.: Hall, “Spindle Whorls,” 115; Stark, Heller, and Ohnersorgen, “People with Cloth,” 9; Berdan, “Cotton in Aztec Mexico,” 247ff., 258; Kent, *Prehistoric Textiles*, 28; Volney H. Jones, “A Summary of Data on Aboriginal Cotton of the Southwest,” *University of New Mexico Bulletin, Symposium on Prehistoric Agriculture*, vol. 296 (October 15, 1936), 60; Reid, *Southeast Asia*, 91; Sundstrom, *Trade of Guinea*, 147; Bassett, *Peasant Cotton*, 34; Curtin, *Economic Change*, 212–13; Halil Inalcik, “The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600,” in Inalcik and Donald Quataert, eds., *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 296; Hauser, *Economic Institutional Change*, 59.

Индия, находясь в центре растущей территории распространения хлопка по всему миру, торговала с Римской империей, Юго-Восточной Азией, Китаем, арабскими странами, Северной и Восточной Африкой. На спинах людей и быков индийские хлопковые ткани в разных направлениях перемещались по Южной Азии. Они пересекали моря в арабских доу, на верблюдах добирались через великую Аравийскую пустыню до Алеппо, спускались вниз по течению Нила к великолепному хлопковому рынку в Каире и наполняли трюмы джонок, направлявшихся к Яве. Уже в VI веке до н. э. индийский хлопок продавали в Египет: торговцы привозили его в порты Красного моря и Персидского залива. Греческие торговцы забирали его из Египта и Персии и доставляли в Европу. Римские торговцы со временем также стали принимать участие в этой торговле, сделав хлопок желанным предметом роскоши для имперской элиты. Индийский хлопок был важным товаром во всей Восточной Африке. А для всего арабского мира и Европы Индия оставалась главным поставщиком до XIX века, при этом торговцы из Гуджарата привозили ткань в огромных количествах.

Как жаловался в 1647 году один чиновник Османской империи, «за индийские товары выплачивается столько денег, что... мировое богатство скапливается в Индии»⁴⁷.

⁴⁷ Sundstrom, *Trade of Guinea*, 156, 157; Ramaswamy, *Textiles*, 25, 70–72; Chaudhuri, “Organisation,” 55; Inalcik, “Ottoman State,” 352; Mann, *Cotton Trade*, 2–3, 23; Smith and Cothren, *Cotton*, 68–69; Baines, *History of the Cotton Manufacture*, 24, 76; Wescher, “Die Baumwolle,” 1639; Gilroy, *History of Silk*, 321; John Peter Wild

Индийские ткани продавали и на восток, в другие части Азии. Ими торговали на китайских рынках в глубокой древности. Огромные количества индийской ткани попадали и в Юго-Восточную Азию, одевая местную элиту: по имеющимся оценкам, ткани, ввозимые в Малакку в начале XVI века, заполняли трюмы пятнадцати кораблей, ежегодно прибывавших из Гуджарата, Коромандела и Бенгалии. Индийские ткани преобладали на мировых рынках до такой степени, что приблизительно в 1503 году итальянский торговец Лодовико де Вартема сказал о гуджаратском порте Камбей: «Этот город снабжает всю Персию, Тартарию, Сирию, Берберию, а с ними и Аравию Феликс, Африку, Эфиопию, Индию и множество обитаемых островов товарами из шелка и хлопка». Санскритское слово, обозначающее хлопковые товары (*karpasi*) перешло в иврит, греческий, латинский, персидский, арабский, армянский, малайский, уйгурский, монгольский и китайский языки. Даже названия тех или иных

and Felicity Wild, "Rome and India: Early Indian Cotton Textiles from Berenike, Red Sea Coast of Egypt," in Ruth Barnes, ed., *Textiles in Indian Ocean Societies* (New York: Routledge, 2005), 11–16; Surendra Gopal, *Commerce and Crafts in Gujarat, 16th and 17th Centuries: A Study in the Impact of European Expansion on Precapitalist Economy* (New Delhi: People's Publishing House, 1975), 3; цит. по: Inalcik, "Ottoman State," 355, см. также: 350, 354, 355; см.: Eliyahu Ashtor, "The Venetian Cotton Trade in Syria in the Later Middle Ages," *Studi Medievali*, ser. 3, vol. 17 (1976): 690; Suraiya Faruqi, "Crisis and Change, 1590–1699," in Halil Inalcik and Donald Quataert, eds., *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 524; Eugen Wirt, "Aleppo im 19. Jahrhundert," in Hans Geord Majer, ed., *Osmanische Studien zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte* (Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1986), 186–205; Sinopoli, *Political Economy*, 179.

тканей стали мировыми брендами – ситец (англ. *chintz*) и жаконет (англ. *jackonet*), например, представляют собой искаженные термины на языках Индии, которые в конечном итоге стали использоваться во всем мире для обозначения особых разновидностей ткани. В XVII веке индийские хлопковые ткани фактически стали тем, что историк Беверли Лемайр назвал «первым товаром всемирного потребления»⁴⁸.

С ростом спроса хлопок предпринял первые пробные шаги вне дома. Во втором тысячелетии нашей эры весьма обычным стало производство хлопка в мастерских, особенно в Азии. В Индии появились профессиональные ткачи; они специализировались на снабжении дальней торговли, обеспечивая хлопковой тканью правителей и богатых торговцев как у себя на родине, так и за рубежом. В Дакке ткачи трудились под строгим надзором, делая муслины для двора Великих моголов, «принуждаемые работать только на правительство, которое плохо им платило и содержало их в своего рода заключении». Сообщается, что мастерские, в которых было более одного станка, также находились в Аламконде на территории сегодняшнего штата Андхра Прадеш уже

⁴⁸ Crawford, *Heritage*, 6, 69; Reid, *Southeast Asia*, 90, 95; quoted in Sinnappah Arasa-ratnam and Aniruddha Ray, *Masulipatnam and Cambay: A History of Two Port-Towns, 1500–1800* (New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1994), 121; некоторые информативные карты по поводу заморской торговли Гуджарата, а также его отечественной торговли в этот период см.: Gopal, *Commerce and Crafts*, 16, 80, 160; Mazzaoui, *Italian Cotton*, 9–11; Beverly Lemire, “Revising the Historical Narrative: India, Europe, and the Cotton Trade, c. 1300–1800,” in Riello and Parthasarathi, eds., *The Spinning World*, 226.

в XV веке. В отличие от домашних ткачей, ремесленники, работавшие на дальнюю торговлю, географически концентрировались: Бенгалия славилась своими тонкими муслинами, побережье Коромандела – ситцем и коленкорами, Сурат – прочными, но недорогими материями всех сортов. Хотя ткачи могли относиться к весьма различным ступеням индийской кастовой системы, в некоторых частях субконтинента они принадлежали к высшим слоям социальной иерархии и были достаточно обеспечены для того, чтобы быть в числе крупнейших жертвователей местных храмов. Группы специализированных производителей хлопка возникали и в других частях света: в Китае XIV века при династии Мин, например, качественные ткани производились в «городских ткацких домах», на которых в совокупности работали многие тысячи работников. В османском городе Токат искусные ткачи производили значительные объемы хлопковой ткани. В Багдаде, Мосуле и Басре, а также других городах исламской цивилизации располагались крупные хлопкообрабатывающие мастерские, и слово «муслин», обозначающее тонкую хлопковую ткань, произошло от слова «Мусил» – курдского названия Мосула. В Бамако, столице сегодняшнего Мали, трудились до шестисот ткачей, а в Кано, этом «западноафриканском Манчестере», возникла крупная ткацкая отрасль, обеспечивавшая тканями население Сахары. В Тимбукту уже в 1590-е годы работали двадцать шесть хлопкообрабатывающих мастерских, по пятьдесят и более работни-

ков каждая. Тысячи работников ткали хлопковую ткань и в Осаке; мастерские распространились по всему региону и к началу XVIII века давали работу тридцати-сорока тысячам человек⁴⁹.

Когда мастерская стала более обычным явлением, то же самое произошло и с ткачом нового типа: это был, как правило, мужчина, который делал ткань специально для рыночной продажи. И все же даже с появлением мастерских это специализированное производство происходило обычно за городом, а не в городах, и в частных домах, а не в мастерских. Такие сельские специализированные рыночные производители отличались от самодостаточных домашних производителей тем, что полагались на силу возникавшей в то время мировой коммерции: сети надомных работников, объединенных торговым капиталом. В рамках этих сетей, которые образовали ядро механизированного хлопкового производства XIX века, прядильщики и ткачи изготавливали хлопковую

⁴⁹ B. C. Allen, *Eastern Bengal District Gazetteers: Dacca* (Allahabad: Pioneer Press, 1912), 106; Sinopoli, *Political Economy*, 186; Baines, *History of the Cotton Manufacture*, 75; Ramaswamy, *Textiles*, 44, 53, 55; Wiens, "Cotton Textile," 522, 528; Yueksel Duman, "Notables, Textiles and Copper in Ottoman Tokat, 1750–1840" (PhD dissertation, Binghamton University, 1998); Mazzaoui, *Italian Cotton*, 22; Max Freiherrn von Oppenheim, *Der Tell Halaf: Eine neue Kultur im ältesten Mesopotamien* (Leipzig: Brockhaus, 1931), 70; Sundstrom, *Trade of Guinea*, 147; Lamb and Holmes, *Nigerian Weaving*, 10; Curtin, *Economic Change*, 48; Aka, *Production*, 69; Youssoupha Mbargane Guisse, "Ecrire l'histoire économique des artisans et créateurs de l'Afrique de l'Ouest" (presentation, Université de Dakar, Senegal, December 2011); Hauser, *Economic Institutional Change*, 20–30.

нить и ткань для городских торговцев, которые собирали их продукцию и продавали ее на отдаленных рынках. Связи между торговцем-капиталистом и производителем широко варьировались. На индийском субконтиненте, например, сельские ткачи зависели от торговцев в отношении необходимого для закупки достаточного количества пряжи, а также необходимой в процессе работы пищи, но в целом эти ткачи обычно владели своим инструментом, работали без надзора и в некоторой степени контролировали сбыт своей продукции. В других местах свободы у сельских ткачей было намного меньше. В Османской империи, например, торговцы передавали хлопок и пряжу крестьянам, которые его пряли и ткали, а затем отдавали свою продукцию обратно торговцу с небольшой прибылью. В отличие от индийских ткачей они не имели никакого контроля над сбытом. В Китае торговцы также активно контролировали свою продукцию. «Они закупали хлопок-сырец, раздавали его на рынке крестьянкам для прядения и изготовления ткани, отдавали в покраску и лощение в мастерские больших или малых городов, а затем развозили по всему Китаю на продажу». Торговцы, по сути, контролировали каждый этап производства, предвосхищая свою центральную роль в создании мировой империи хлопка XIX века⁵⁰.

⁵⁰ Chaudhuri, "Organisation," 49, 51, 53; Hameeda Hossain, "The Alienation of Weavers: Impact of the Conflict Between the Revenue and Commercial Interests of the East India Company, 1750–1800," in Roy, ed., *Cloth and Commerce*, 117. Suraiya Faruqi, "Notes on the Production of Cotton and Cotton Cloth in Sixteenth and

С расширением рынков менялась также и технология производства хлопка. Хотя основные принципы его обработки во всем мире были весьма схожи, а производительность была неизмеримо ниже до изобретения новаторских волокноотделительных приспособлений, прядильных машин и ткацких станков в конце XVIII – начале XIX века, заметные нововведения все же имели место. В Мезоамерике, например, прядение было усовершенствовано с введением «керамических пряслиц особой формы». После 1200 года жители Мезоамерики также пользовались специально сконструированными чашками для веретена, что способствовало повышению производительности прядильниц, позволяя им, помимо прочего, удовлетворять ненасытные аппетиты своих требовавших дани правителей. Центром технологического новаторства, однако, была Азия: валковый волокноотделитель (для удаления семян), лук (для очистки и распутывания отделенного волокна), прядильное колесо и новые виды стан-

Seventeenth-Century Anatolia,” in Huri Islamoglu-Inan, ed., *The Ottoman Empire and the World-Economy*, (New York: Cambridge University Press, 1987), 267, 268; Inalcik, “Ottoman State,”; Huri Islamoglu-Inan, *State and Peasant in the Ottoman Empire: Agrarian Power Relations and Regional Economic Development in Ottoman Anatolia During the Sixteenth Century* (Leiden: E.J. Brill, 1994), 223, 235; Socrates D. Petmezas, “Patterns of Protoindustrialization in the Ottoman Empire: The Case of Eastern Thessaly, ca. 1750–1860,” *Journal of European Economic History* (1991): 589; Prasannan Parthasarathi, “Merchants and the Rise of Colonialism,” in Burton Stein and Sanjay Subrahmanyam, eds., *Institutions and Economic Change in South Asia* (Delhi: Oxford University Press, 1996), 96, 98; S. Arasaratnam, “Weavers, Merchants and Company: The Handloom Industry in Southeastern India, 1750–90,” in Roy, ed., *Cloth and Commerce*, 87; Bray, “Textile Production,” 127.

ков, в том числе вертикальная сновальная машина, появились именно там. Прядильное колесо, изобретенное в XI веке, было особенно значимым нововведением, так как позволило крестьянам прясть хлопок намного быстрее. Ткачи тех же регионов изобрели также новый вид ткацкого станка – педальный. Хотя точное место его происхождения неизвестно, он начал применяться в Индии между 500 и 750 годами, а в Китае (где его впервые использовали в изготовлении шелка) – в третьем веке⁵¹.

Самые крупные инновации произошли в области окультуривания самого хлопчатника – настолько крупные, что хлопок, который собирали рабы в XIX веке, был бы практически неузнаваем для индийских фермеров двумя тысячелетиями ранее. Проведенная людьми селекция приспособила хлопок к большим диапазонам природных условий и сделала его волокно еще более применимым для производства ткани. Сельские хлопководы Китая, Японии, Юго-Восточной Азии и Северной и Южной Америки, Западной Африки и Анатолии завезли семена хлопчатника с соседних территорий и добавили его к своему ассортименту раститель-

⁵¹ Smith and Hirth, “Development of Prehispanic Cotton-Spinning,” 349; Angela Lakwete, *Inventing the Cotton Gin: Machine and Myth in Antebellum America* (Baltimore: John Hopkins University Press, 2005), 11–12; Mazzaoui, *Italian Cotton*, 74–82, 89; Smith and Hirth, “Development of Prehispanic Cotton-Spinning,” 354–55; John H. A. Munro, *Textiles, Towns and Trade: Essays in the Economic History of Late-Medieval England and the Low Countries* (Brookfield, VT: Variorum, 1994), 8, 15; Maureen Fennell Mazzaoui, “The Cotton Industry of Northern Italy in the Late Middle Ages, 1150–1450,” *Journal of Economic History* 32 (1972): 274.

ных культур. На протяжении веков этот процесс окультуривания коренным образом изменил физические свойства хлопка, и были выведены растения, дающие более длинное и светлое волокно (позже эксперты стали обозначать длину волокна термином *staple*), высокоурожайные и с легко извлекаемым содержимым орехоподобной коробочки. Более того, прогресс в методах ирригации и агрономии позволил распространить производство на новые регионы. Благодаря селекции семян и усовершенствованной технологии хлопчатник хорошо рос в более сухих и прохладных районах Африки, Азии и Америки, в том числе в почвах исламских стран, по большей части подверженных засухе. В Иране, например, инвестиции в ирригационные системы уже в IX веке позволили существенно расширить культивацию хлопка. Однако, по сравнению с изменениями в XVIII и XIX веках, совокупное повышение производительности в эти две тысячи лет перед промышленной революцией были невелики. На протяжении большей части своей истории мировая хлопковая отрасль росла преимущественно за счет постоянно растущего числа людей, которые посвящали все больше времени выращиванию, прядению и тканью хлопка⁵².

⁵² Alan L. Olmstead and Paul W. Rhode, *Creating Abundance: Biological Innovation and American Agricultural Development* (New York: Cambridge University Press, 2008), 108–9; John Hebron Moore, “Cotton Breeding in the Old South,” *Agricultural History* 30, no. 3 (July 1956): 95–104; John Hebron Moore, *Agriculture in Ante-Bellum Mississippi* (New York: Bookman Associates, 1958), 13–36, 97; Lewis Cecil Gray, *History of Agriculture in the Southern United States to 1860*, vol. 2 (Washington, DC:

Благодаря этим производственным сетям, соединявшим сельских прядильщиков и ткачей с городским торговым капиталом, особенно в Азии, возникло постепенное, но существенное расширение объема выработки для рынков. В основном это происходило, однако, без уничтожения более древних социальных структур, без изменения веками устоявшейся организации производства. Домашнее хозяйство и связанные с ним технологии оставались в их центре. Этот старый мир был в безопасности, скрываясь за двумя защитными стенами: во-первых, рынки готовой продукции, хотя и росли, но, по сравнению с состоянием после 1780 года, скромными темпами, а во-вторых, существовали серьезные препятствия для перевозки хлопка-сырца на большие расстояния для его обработки. Чтобы прорваться сквозь эти древние препоны, нужна была огромная противодействующая сила.

В течение очень долгого времени в этом замечательно разнообразном, потрясающе живом и экономически важном мире хлопка Европа не участвовала. Европейцы оставались на окраинах сетей, охватывавших культивацию, обработку и потребление хлопка. Даже после того, как они начали импортировать небольшие объемы хлопковой ткани во времена Древней Греции и Древнего Рима, они по-прежнему иг-

Carnegie Institution of Washington, 1933), 689–90; James Lawrence Watkins, *King Cotton: A Historical and Statistical Review, 1790 to 1908* (New York: J. L. Watkins, 1908), 13; Bassett, *Peasant Cotton*, 33; Mazzaoui, *Italian Cotton*, 20–21; Bulliet, *Cotton, Climate, and Camels*, 40; Chaudhuri, “Organisation,” 75.

рали незначительную роль в мировой хлопковой отрасли в целом. Люди одевались, как повелось начиная с бронзового века, в одежду из льна и шерсти. Как об этом сказал Махатма Ганди, пока Индия снабжала Европу хлопком, сами европейцы «были погружены в варварство, невежество и дикость»⁵³.

⁵³ Mahatma Gandhi, *The Indian Cotton Textile Industry: Its Past, Present and Future* (Calcutta: G. N. Mitra, 1930), 6.

Растение-барашек: представление европейцев о хлопчатнике

Хлопок попросту был для Европы экзотическим продуктом. Это волокно росло в далеких землях, и многие европейцы, по имеющимся свидетельствам, представляли себе хлопок как гибрид растения с животным – «растение-барашек».

шек». По средневековой Европе ходили рассказы о маленьких овечках, растущих на дереве и спускающихся по ночам, чтобы попить воды; другие басни повествовали об овцах, соединенных с землей низким стеблем⁵⁴.

Хлопок впервые пришел и остался в Европе, а также в Западной Африке, в результате распространения ислама. К 950 году хлопок производился в мусульманских городах Севилье, Кордове, Гранаде и Барселоне, а также на Сицилии. Некоторые из этих тканей экспортировались в остальные части Европы. В XII веке севильский ботаник Абу Закария ибн аль-Авам опубликовал трактат о земледелии, в который включил подробное описание культивации хлопчатника⁵⁵. Хлопок настолько сильно ассоциировался с исламом, что большинство европейских языков заимствовало для обозначения хлопкового волокна арабское слово *qutun*. Французское *coton*, английское *cotton*, испанское *algodón*, португальское *algodão*, голландское *katoen* и итальянское *cotone* все имеют в своем составе этот арабский корень. (Немецкое *Baumwolle* и чешское *bavlna* – которые переводятся приблизительно как «древесная шерсть» – исключения, которые подтверждают правило.) Когда производство хлопка в регионе серьезно сократилось в результате реконкисты на Ибе-

⁵⁴ Цит. по: Henry Lee, *The Vegetable Lamb of Tartary: A Curious Fable of the Cotton Plant* (London: Sampson Low, Marston, Searle, & Rivington, 1887), 5.

⁵⁵ Mann, *Cotton Trade*, 5; Oppel, *Die Baumwolle*, 39; см.: экспонаты в Museu Textil i d'Indumentaria, Barcelona, Spain.

рийском полуострове в первой половине второго тысячелетия, вековое соприкосновение с арабскими технологиями и культурой оставило после себя на обширных европейских территориях знание хлопковых тканей и представление об их ценности.

К XII веку небольшие зоны в Европе – в особенности север Италии – вернулись в мир производства хлопка, и на этот раз окончательно. Хотя европейский климат был в основном неподходящим для выращивания хлопка, крестоносцы усилили влияние Европы в арабских странах, то есть в районах естественного произрастания хлопчатника⁵⁶. Первые попытки производства хлопка были скромными, но они положили начало тенденции, которой суждено было изменить историю континента и мировую экономику.

Первый центр неисламской хлопковой отрасли в Европе возник на севере Италии, в таких городах как Милан, Ареццо, Болонья, Венеция и Верона. Начиная с XII века отрасль быстро росла и стала играть важнейшую роль в экономике этих городов. В Милане, например, к 1450 году в хлопковой отрасли было занято не менее шести тысяч работников, которые изготавливали фустиан – ткань, смешанную из хлопка и льна⁵⁷. Эти северные итальянцы стали главными произво-

⁵⁶ То, что крестоносцы играли решающую роль в представлении отрасли хлопкового текстиля в Европе, подтверждается *Baumwolle*, словарной единицей в *Lexikon des Mittelalters*, vol. 1 (Munich: Artemis Verlag, 1980), 1670.

⁵⁷ Alfred P. Wadsworth and Julia De Lacy Mann, *The Cotton Trade and Industrial Lancashire, 1600–1780* (Manchester: Manchester University Press, 1931),

дителями в Европе и сохраняли эту позицию приблизительно в течение трех столетий⁵⁸.

Существовало две причины для расцвета производства хлопка в Северной Италии. Во-первых, эти города имели длительную историю все еще активного производства шерсти, благодаря чему там имелись искусные мастера, богатые капиталом торговцы и опыт дальней торговли. Когда предприниматели решали заняться производством хлопка, они могли привлекать эти ресурсы. Они раздавали хлопок-сырец женщинам из близлежащих деревень для прядения. Они заключали договоры с городскими ремесленниками, организованными в гильдии, об изготовлении тканей из этой пряжи. Они помечали свои товары фирменными знаками и стандартизировали их, а затем по своим дальним торговым сетям отправляли их на зарубежные рынки через Средиземное море, Средний Восток, Германию, Австрию, Богемию и Венгрию⁵⁹.

Во-вторых, северная Италия легко могла получать хлопок-сырец. Действительно, североитальянская отрасль полностью зависела от хлопка из восточного Средиземноморья, который привозился из таких мест, как Западная Анатолия

15; Mazzaoui, "Cotton Industry," 263; Ashtor, "Venetian Cotton," 677.

⁵⁸ На протяжении двенадцатого века производство хлопка возникло в таких местах, как южная Франция, Каталония, и, наиболее заметно, в Северной Италии. См.: Mazzaoui, "Cotton Industry," 268; Wescher, "Die Baumwolle," 1643, 1644; Mazzaoui, *Italian Cotton*, 114.

⁵⁹ Mazzaoui, *Italian Cotton*, 64, 66, 69; Mazzaoui, "Cotton Industry," 271, 273, 276; Wescher, "Die Baumwolle," 1643.

и территория сегодняшней Сирии. Уже в XI веке хлопковую пряжу и ткани привозили в венецианские, генуэзские и пизанские порты, что позволило людям «распробовать» хлопок. После крестовых походов начался импорт хлопка-сырца – первая подобная сделка документально подтверждена в 1125 году⁶⁰.

Когда в результате усовершенствования морских перевозок подешевела транспортировка сыпучих товаров, Венеция стала первым европейским хранилищем хлопка, Ливерпулем XII века. Некоторые купцы стали специализироваться на торговле хлопком, закупая низкокачественный хлопок в Анатолии, а более качественное волокно – в Сирии. Эти поставки дополнялись генуэзским импортом из Анатолии, с Сицилии и из Египта. Но несмотря на импорт больших объемов, европейские купцы оказывали незначительное влияние, если вообще его оказывали, на те способы, которыми хлопок выращивался в Леванте: они покупали хлопок у местных торговцев, грузили его на свои корабли и перевозили через море. Тем не менее, способность Венеции встроиться, а со временем занять главенствующее положение в средиземноморской торговле была решающим фактором успеха североитальянской хлопковой отрасли. Более того, она стала образцом для того клинка, которым европейские государства и капиталисты позднее пронзили сердце древних центров хлоп-

⁶⁰ Mazzaoui, *Italian Cotton*, 7, 29, 63; Mazzaoui, “Cotton Industry,” 265.

кового производства⁶¹.

Средиземноморские сети обеспечили итальянских производителей относительно простым доступом не только к хлопку-сырцу, но и к «восточным» технологиям. Североитальянские предприниматели перенимали технологии у исламского мира – некоторые из них при этом ранее попали туда из Индии и Китая. В XII веке произошло «массированное вливание внешних технологий в европейскую текстильную отрасль» – в первую очередь прядильного колеса. До введения прядильного колеса в Европе в середине XIII века европейцы, как американцы и африканцы, пряли с помощью ручных веретен. Это был медленный процесс: искусная пряжа выдавала около 120 метров нити в час. При такой скорости требовалось одиннадцать часов, чтобы спрясть достаточно пряжи на одну блузу. Прядильное колесо невероятным образом повысило выработку европейских прядильщиков, увеличив их производительность втрое. Таким образом, наличие нового материала – хлопка – привело к освоению нового метода производства, и поэтому в средневековой Европе прядильное колесо еще называли «хлопковым колесом». Не столь заметным, как прядильное колесо, но все же усовершенствованием стало использование горизонтального педального ткацкого станка. Впервые примененный в Европе в одиннадцатом веке, он позволил ткачу открывать и за-

⁶¹ Mazzaoui, *Italian Cotton*, 53; Ashtor, “Venetian Cotton,” 675, 697; Mazzaoui, *Italian Cotton*, 35; Ashtor, “Venetian Cotton,” 676.

крывать раствор зева – образующегося между нитями основы, чтобы дать пройти челноку, – с помощью ног, освободив руки для пробрасывания уточной нити, что позволило производить материю более высокого качества. Этот станок пришел в Европу из Индии и Китая через страны исламского мира⁶².

⁶² Mazzaoui, *Italian Cotton*, 65–66, 74–82; Angela Lakwete, *Inventing the Cotton Gin: Machine and Myth in Antebellum America* (Baltimore: John Hopkins University Press, 2005), 11–12; Mazzaoui, *Italian Cotton*, 74–82, 89; Mazzaoui, “Cotton Industry,” 274, 275; Bohnsack, *Spinnen und Weben*, 65–66, 37, 63, 67, 114, 115; см.: Karl-Heinz Ludwig, “Spinnen im Mittelalter unter besonderer Berücksichtigung der Arbeiten, cum rota,” *Technikgeschichte* 57 (1990): 78; Eric Broudy, *The Book of Looms: A History of the Handloom from Ancient Times to the Present* (Hanover, NH: Brown University Press, 1979), 102; Munro, *Textiles*, 8, 15.

В своем росте североитальянская хлопковая отрасль опиралась в основном на доступ к хлопку-сырцу и производственным технологиям исламского мира. Однако эти связи и зависимости стали главными уязвимыми точками для Италии; ее хлопковая отрасль осталась удаленной от источников сырья и не контролировала выращивание хлопчатника. В конечном итоге она пострадала как от укрепления исламской хлопковой отрасли, так и от потери значимости своих торговых сетей в исламском мире⁶³.

Однако даже до разрушения этих критически важных сетей итальянское производство столкнулось еще с одним испытанием: развитием более гибких конкурентов к северу от Альп, в городах Южной Германии. Как и их итальянские «коллеги», они полагались на поставки хлопка из Леванта. Однако в то время, как итальянские производители находились в условиях высоких налогов, высоких зарплат, четкой организации городских ткачей и цеховых ограничений, немецкие производители имели преимущество в виде более стоворчивой немецкой деревни, получая доступ к дешевой рабочей силе. К началу XV века немецкие производители пользовались этой разницей в издержках не только для того, чтобы захватить многие итальянские экспортные рынки, в том числе восток и север Европы, Испанию, Балтику, Нидерланды и Англию, но и для вторжения на рынок самой Ита-

⁶³ Mazzaoui, *Italian Cotton*, xi, 29.

лии⁶⁴.

Один из таких предприимчивых производителей прибыл в южногерманский город Аугсбург в 1367 году. Молодой ткач Ганс Фуггер сначала попробовал продавать хлопковые ткани своего отца, но со временем начал карьеру мастера-ткача. В следующие десятилетия он расширил свои инвестиции, в конечном итоге наняв сотню ткачей в Аугсбурге и вложив много средств в дальнюю торговлю. К моменту своей смерти он был одним из пятидесяти богатейших граждан Аугсбурга и заложил фундамент для восхождения одной из богатейших торговых и банковских семей средневековой Европы⁶⁵.

Ганс Фуггер способствовал скорейшему основанию динамично развивавшейся хлопковой отрасли на юге Германии всего за одно поколение. С 1363 по 1383 год выработка немецких ткачей фактически вытеснила ломбардские фустианы с европейских рынков. Фуггер и ему подобные предприниматели добились успеха, поскольку имели возможность использовать труд квалифицированных текстильщиков, а также доступ к капиталу и торговым сетям. В Юж-

⁶⁴ Mazzaoui, *Italian Cotton*, 139, 144, 150, 152; Mazzaoui, "Cotton Industry," 282, 284; Von Stromer, *Die Grundung*, 84–86; Eugen Nubling, *Ulms Baumwollweberei im Mittelalter* (Leipzig: Duncker & Humblot, 1890), 146.

⁶⁵ Von Stromer, *Die Grundung*, 32; Goetz Freiherr von Poelnitz, *Die Fugger* (Tubingen: J. C. B. Mohr, 1981); Richard Ehrenberg, *Capital and Finance in the Age of the Renaissance: A Study of the Fuggers and Their Connections*, trans. H. M. Lucas (New York: Harcourt, 1928).

ной Германии, у которой была долгая история льняного производства, были влиятельные купцы, которые вели дальнюю торговлю и владели достаточным капиталом для основания новой отрасли. Но у этих торговцев был также доступ к дешевой рабочей силе, рынкам Северной Европы и способность обеспечивать исполнение норм, гарантировавших качество их продукции. В результате такие города, как Ульм, Аугсбург, Мемминген и Нюрнберг, стали главными центрами производства фустианов. Эта отрасль в конечном итоге распространилась на восток вдоль Дуная и на юг, достигнув Швейцарии⁶⁶.

Контроль над сельской рабочей силой имел решающее значение. В Ульме, например, одном из важнейших производственных центров, в самом городе лишь 2 тысячи жителей были заняты производством хлопка, в то время как 18 тысяч работников обрабатывали хлопок за городом. Большая часть материи ткалась в деревнях, а не в городе, при этом торговцы снабжали прядильщиков и ткачей деньгами, сырьем и даже инструментами – это была такая же сеть надомной работы, как та, что была характерна для индийской сельской местности. Такая организация производства была намного более гибкой, чем городское производство, поскольку она не регулировалась никакими гильдиями, а сельские ткачи по-прежнему имели в распоряжении собствен-

⁶⁶ Von Stromer, *Die Grundung*, 1, 2, 8, 21, 128, 139, 148; Nubling, *Ulms Baumwollwebe-rei*, 141; Bohnsack, *Spinnen und Weben*, 152.

ную землю и выращивали себе пропитание⁶⁷.

С возникновением хлопковой отрасли на севере Италии и в Южной Германии мелкие регионы Европы впервые стали мелкими участниками мировой экономики хлопка. И все же в самой Европе эта отрасль пока играла не слишком заметную роль. Европейцы все еще одевались в основном в льняную и шерстяную, а не хлопковую одежду. И едва ли какие-либо из европейских хлопковых товаров потреблялись за пределами континента. Более того, с начала XVI века зависевшая от Венеции европейская отрасль пришла в упадок, поскольку в ходе Тридцатилетней войны производство было разрушено, а торговля сместилась из Средиземноморья к Атлантическому океану. В XVI веке Венеция утратила контроль над средиземноморской торговлей, уступив его укрепившейся Османской империи, которая поощряла развитие отечественных отраслей и запрещала экспорт хлопка-сырца. В самом деле, когда османские военные в 1560-е годы консолидировали свою власть в государстве, эффект был ощутим в отдаленных немецких городках, занимавшихся производством хлопка. Восхождение Османской империи, мощного государства, способного контролировать потоки сырого и обработанного хлопка, разрушило хлопковое производство на севере Италии и на юге Германии. В довершение всех бед, выпавших на долю когда-то господствовавших венецианцев, к концу XVI века британские корабли все чаще стали

⁶⁷ Mazzaoui, *Italian Cotton*, 141; Von Stromer, *Die Grundung*, 88.

появляться в таких портах, как Измир. В 1589 году султан пожаловал английским купцам широкие торговые привилегии⁶⁸.

Некоторые проницательные наблюдатели наверняка заметили, что первых европейских производителей хлопка как в Северной Италии, так и в Южной Германии неудача постигла, по крайней мере отчасти, из-за того, что они не покорили те народы, которые снабжали их хлопком. Этот урок не был забыт. В конце XVI века, когда возникла совершенно новая хлопковая отрасль, сосредоточенная уже на побережьях Атлантического океана, а не в Средиземноморье, европейцы считали само собой разумеющимся, что только защита государственной власти может обеспечить успех на этих новых торговых территориях⁶⁹.

⁶⁸ Mazzaoui, *Italian Cotton*, 55, 54, 154; Wadsworth and Mann, *Cotton Trade*, 23; Inalcik, "Ottoman State," 365; Daniel Goffman, "Izmir: From Village to Colonial Port City," in Edhem Eldem, Daniel Goffman, and Bruce Masters, eds., *The Ottoman City Between East and West: Aleppo, Izmir, and Istanbul* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), 79–134.

⁶⁹ Nubling, *Ulms Baumwollweberei*, 166.

Глава 2

Образование военного капитализма

Захват мировых торговых сетей хлопка: фактория Британской Ост-Индской компании в Коссимбазаре, Западная Бенгалия, 1795 г.

Хотя появление хлопкового производства в XII веке в Северной Италии и позднее в XV веке в Южной Германии и было впечатляющим, мир от этого не изменился. В каж-

дом случае за взлетом следовало падение. И хлопковая отрасль в целом, к тому времени уже прочно обосновавшаяся на трех континентах, продолжала работать так, как это происходило веками. Мировое производство, как и прежде, концентрировалось в Индии и Китае, и в торговле между континентами продолжала преобладать продукция индийских ткачей. В европейской промышленности не было заметных технологических и организационных достижений: на переднем крае текстильных технологий по-прежнему оставались азиатские производители. Безусловно, новые европейские промышленные предприятия производили беспрецедентные объемы хлопковой материи для континента, воспитывали вкус к хлопковым тканям и способствовали широкому распространению знаний о принципах хлопкового производства – и все эти факторы со временем стали исключительно важны. Но в то время эти небольшие сдвиги не имели значения для глобальной хлопковой промышленности, потому что европейцы были лишены способности конкурировать на заокеанских рынках, не в последнюю очередь потому, что качество их продукции было намного ниже индийского. Более того, в отличие от индийских и китайских производителей, европейцы зависели от импорта хлопка-сырца из отдаленных регионов мира, над которыми у них было мало власти. И в 1600 году большинство европейцев продолжало одеваться в льняные и шерстяные ткани.

Однако в следующие две сотни лет положение дел измени-

лось. Изменения были медленными, поначалу едва заметными, но процесс шел все быстрее и быстрее, пока не начался экспоненциальный рост. Окончательным результатом стала радикальная реорганизация ведущей мировой отрасли: полный переворот в способах и географии выращивания хлопка и в его производстве, а также поразительное объединение целого мира, причиной которого был хлопок. Эта хлопковая перестройка поначалу определялась не техническими новшествами и не организационными преимуществами, а, напротив, гораздо более простыми причинами: существованием возможности и желанием распространить действие капитала и власти на далекие заокеанские территории. Все чаще европейцы проникали, часто насильственно, в глобальные сети хлопковой торговли – в самой Азии, между Азией и остальным миром – еще до того, как, опять же с помощью силы, создали новые сети между Африкой, Америкой и Европой⁷⁰. Первое европейское вторжение в мир хлопка захлебнулось перед лицом превосходящей силы. Следующие же поколения европейских капиталистов и политиков были предусмотрительнее и создали сравнительное преимущество, имея желание и возможность использовать силу для

⁷⁰ Я употребляю здесь термин «сеть» вместо «система» или «мировая система», так как хочу подчеркнуть неослабевающее значение локального распределения общественных, экономических и политических сил в формировании характера связей между различными частями мира. Эта идея возникла у меня под влиянием Gil J. Stein, *Rethinking World-Systems: Diasporas, Colonies, and Interaction in Uruk Mesopotamia* (Tucson: University of Arizona Press, 1999), 171.

продвижения своих интересов. Европа заняла важное положение в мире хлопка не за счет изобретений или более совершенных технологий, а благодаря своей способности перестроить глобальные хлопковые сети и занять в них господствующее положение.

Европейские капиталисты и правители изменяли глобальные сети множеством способов. Благодаря крепким мускулам вооруженной торговли возможно было построить сложную морскую торговую сеть с центром в Европе. Создание военно-финансового государства позволяло употреблять власть в самых отдаленных уголках мира. Изобретение финансовых инструментов – от морского страхования до коносамента – позволяло перемещать капитал и товары на дальние расстояния. Развитие правовой системы сообщило некоторую безопасность инвестициям в дальние страны. Создание альянсов с капиталистами и правителями далеких стран обеспечивало доступ к местным ткачам и хлопководам. Путем экспроприации земли и депортации африканцев были созданы процветающие плантации. Все эти изменения незаметно для современников были первыми шагами к промышленной революции. За века до «великого расхождения» в объеме производства на душу населения между Европой и Восточной Азией небольшая группа европейцев захватила контроль над прежде эпизодическим и постепенным процессом усиления глобальных экономических связей, с колоссальными последствиями не только для хлопковой отрасли,

но для человеческих обществ по всему миру. «Великое расхождение» сначала было расхождением в государственной власти. При этом из множественных хлопковых миров возникла евроцентричная империя хлопка.

Прибытие Христофора Колумба в Америку в 1492 году ознаменовало собой первое судьбоносное событие в преобразовании мировых связей. С этого путешествия начался самый грандиозный в мире захват земли, когда Эрнан Кортес напал на империю ацтеков в 1518 году и заявил широкие территориальные притязания Испании в Америке, устремлявшиеся в Южную Америку, а также на север. К середине XVI века португальцы последовали этому примеру и завладели территорией, где сегодня находится Бразилия. Французы высадились в Америке в 1605 году и захватили Квебек, части нынешних среднего запада и юга США, которые были объединены во французскую административную единицу Луизиана, а также ряд Карибских островов, включавший в 1664 году Сан-Доминго – западную треть острова Испаньола. Англия основала первое успешное американское поселение в Джеймстауне, который стал частью колонии в Вирджинии в 1607 году, вскоре расширенной за счет других колоний в Северной Америке и на Карибских островах. Как мы увидим, в конечном счете контроль над огромными территориями в Америке сделал возможным, в числе прочего, монокультурное возделывание хлопка в гигантских объемах.

Второе судьбоносное событие в истории хлопка произо-

шло пять лет спустя, в 1497 году, когда Васко да Гама с триумфом вошел в порт Каликут, проложив морской путь из Европы в Индию вокруг мыса Доброй Надежды. Теперь европейцы впервые смогли получить доступ к продукции индийских ткачей – лидеров мирового производства – без необходимости полагаться на многочисленных посредников, которые везли индийские материи на кораблях через Индийский океан, на верблюдах через Аравию, а затем снова на кораблях в европейские порты. Европейцы начали устанавливать формальные торговые связи на индийском субконтиненте, когда да Гама получил разрешение от местных правителей торговать в Каликуте в 1498 году. В начале XVI века португальцы основали ряд торговых постов на западном побережье Индии, наиболее стабильным из которых был пост в Гоа. В конце XVI века Нидерланды и Великобритания начали оспаривать португальскую монополию торговли с Азией, учреждая акционерные компании в надежде захватить долю высокодоходной торговли пряностями. После нескольких англо-голландских войн голландцы и англичане договорились о разделе своих интересов в Азии, и индийский текстиль оказался в основном в руках британцев.

Экспансия в Южную Азию была самым значимым вторжением европейских торговцев и политиков в сети глобальной хлопковой отрасли. Европейцы стали играть определенную роль в заокеанской торговле индийским текстилем, и это были прежде всего португальцы, которые привозили в Евро-

пу большое количество тканей. Они также пытались установить свое господство в важной торговле Гуджарата с Аравийским полуостровом и Восточной Африкой – сначала насильственно ограничивая доступ гуджаратских торговцев к этим традиционным рынкам (с переменным успехом), а во второй половине XVI века с помощью регулирования торговли. Позднее к ним присоединились прочие европейцы: в 1600 году торговцы основали British East India Company (Британскую Ост-Индскую компанию), в 1602 году – Vereenigde Oost-Indische Compagnie (Голландскую Ост-Индскую компанию), а в 1616 году – Dansk Ostindiske Kompagni (Датскую Ост-Индскую компанию). К началу XVII века голландцы и англичане сменили португальцев в насильственном регулировании торговли гуджаратским текстилем, захватах гуджаратских кораблей и ограничении доступа местных торговцев к рынкам в Аравии и все больше – в Юго-Восточной Азии, которые снабжались продукцией фабрик в южной Индии вдоль Коромандельского берега, в центре которого находился Мадрас⁷¹. Франция последней из великих европейских держав начала торговать с дальними восточными странами. В 1664 году французские торговцы основали Compagnie des Indes Française и впервые привезли во Фран-

⁷¹ Om Prakash, *The New Cambridge History of India* vol. 2, *European Commercial Enterprise in Pre-Colonial India*, (Cambridge: Cambridge University Press, 1998), 23; Surendra Gopal, *Commerce and Crafts in Gujarat, 16th and 17th Centuries: A Study in the Impact of European Expansion on Precapitalist Economy* (New Delhi: People's Publishing House, 1975), 10–11, 18, 26, 28, 58.

цию то, что французы называют *indiennes* – хлопковую ткань яркой расцветки. Эти компании старались установить монопольные права в определенных областях, но, борясь друг с другом, а также с конкурирующими независимыми торговцами, никогда не достигали полного успеха⁷².

Общим для всех этих европейских торговых компаний было то, что они покупали хлопковый текстиль в Индии для обмена на пряности в Юго-Восточной Азии, а также для того, чтобы привезти их в Европу, – там они могли быть употреблены внутри страны или отправлены в Африку в качестве платы за рабов для работы на плантациях, только начинающих укореняться в Новом Свете. Хлопковый текстиль впервые связал единой торговой системой три континента. Последствия судьбоносных путешествий Колумба и да Гамы взаимно питали друг друга. Европейские потребители и африканские торговцы жаждали прекрасных набивных коленкоров, муслинов, ситцев или менее изысканных, но полезных простых тканей, которые были спрядены и сотканы ремесленниками и надомниками в Южной Азии.

Хлопковый текстиль стал ключевой составляющей европейской экспансии в Азии. Уже в начале XVII века европейские торговцы и купцы играли важную роль в торговле в бенгальском порту Дакке, который веками был источником одних из самых высококачественных хлопчатобумажных тка-

⁷² Celine Cousquer, *Nantes: Une capitale française des Indiennes au XVIIIe siècle* (Nantes: Coiffard Editions, 2002), 17.

ней в мире. Импорт Ост-Индской компании в Британию уже в 1621 году оценивался в 50 тысяч хлопковых отрезов. Через сорок лет это число увеличилось в пять раз. Хлопковые материи в действительности стали важнейшим предметом торговли Ост-Индской компании: к 1766 году эти материи составляли более 75 % общего объема ее экспорта. В результате, по свидетельству английского писателя Даниеля Дефо, который не одобрял этого импорта, хлопок «пробрался в наши дома, наши кабинеты и спальни, занавески, подушки, стулья, и, наконец, сами постели уже состоят исключительно из коленкоров и индийских материй»⁷³.

Вооруженные европейские торговцы успешно внедрились в заокеанскую торговлю индийским хлопковым текстилем.

⁷³ Arasaratnam, "Weavers, Merchants and Company:" The Handloom Industry in Southeastern India, 1750–90," in Tirthankar Roy, ed., *Cloth and Commerce: Textiles in Colonial India* (Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 1996), 90; James Mann, *The Cotton Trade of Great Britain* (London: Simpkin, Marshall & Co, 1860), 2; Walter R. Cassels, *Cotton: An Account of Its Culture in the Bombay Presidency* (Bombay: Bombay Education Society's Press, 1862), 77; Beverly Lemire, *Fashion's Favourite: The Cotton Trade and the Consumer in Britain, 1660–1800* (Oxford: Pasold Research Fund, 1991), 15; Hameeda Hossain, *The Company Weavers of Bengal: The East India Company and the Organization of Textile Production in Bengal, 1750–1813* (Delhi: Oxford University Press, 1988), 65; Proceeding, Bombay Castle, November 10, 1776, in Bombay Commercial Proceedings, P/414, 47, Oriental and India Office Collections, British Library, London; Stephen Broadberry and Bishnupriya Gupta, "Cotton Textiles and the Great Divergence: Lancashire, India and Shifting Competitive Advantage, 1600–1850," CEPR Discussion Paper No. 5183, London, Centre for Economic Policy Research, August 2005, Table 3, p. 32; Daniel Defoe and John McVeagh, *A Review of the State of the British Nation*, vol. 4, 1707–08 (London: Pickering & Chatto, 2006), 606.

Однако в самой Индии европейская власть была ограниченной. Обычно она кончалась за пределами портовых городов или стен фортов, все больше возводимых солдатами-торговцами вдоль побережья. Чтобы обеспечить поставки огромного количества экспортировавшегося индийского текстиля, европейские торговцы полагались на местных купцов, *baniyas*, бдительно охранявших свои важнейшие связи с фермерами и ткачами во внутренних районах страны, которые выращивали, пряли и ткали постоянно дорожавший товар. Вдоль побережья Индии, в таких городах, как Мадрас, Сурат, Дакка, Коссимбазар и Каликут, европейцы устраивали склады, так называемые фактории, где их агенты делали заказы на ткани *baniyas* и получали готовый к отправке товар. В сотнях переплетенных в кожу книг, многие из которых еще существуют, фиксировалась каждая из этих операций⁷⁴.

В 1676 году фактория Британской Ост-Индской компании в Дакке подробно описала механизм покупки тканей, свидетельствующий о ее зависимости от туземных купцов. Английские торговцы поручали обеспечение поставок ткани нескольким *baniyas* за восемь или десять месяцев до прибытия торговых судов, определяя желаемое качество, орнамент, цены и сроки поставки. Африканские и европейские потребители хлопкового текстиля требовали весьма опреде-

⁷⁴ См., например: Factory Records, Dacca, 1779, Record Group G 15, col. 21 (1779), in Oriental and India Office Collections, British Library, London; John Irwin and P. R. Schwartz, *Studies in Indo-European Textile History* (Ahmedabad, 1966).

ленные товары по определенным ценам. *Banias* затем выдавали наличные различным посредникам, которые путешествовали от деревни к деревне, выплачивая авансы и заказывая готовые ткани отдельным ткачам⁷⁵. В конце концов ткани перемещались по той же цепочке обратно в английскую факторию в Дакке, где они сортировались и готовились к отправке.

При такой системе производства ткачи сами определяли ритм и организацию своей работы, владели своими инструментами, как это было на протяжении веков, и даже сохраняли право самим решать, кому продавать свою продукцию. Когда спрос со стороны европейцев вырос, оказалось, что ткачи способны увеличить производство и поднять цены, что было им безусловно выгодно. Фактически появление европейских купцов в гуджаратском городе Броч, а также в Ориссе и Дакке дало новый стимул развитию хлопковой отрасли этого региона. Ткачи были по-прежнему бедны, хотя могли извлечь преимущества из конкуренции в отношении своих тканей, как это делали *banias* и даже индийские правители, которые быстро установили налоги и пошлины на про-

⁷⁵ K. N. Chaudhuri, "European Trade with India," in *The Cambridge Economic History of India*, vol. 1, c. 1200–c. 1750 (Cambridge: Cambridge University Press, 1982), 405–6; Arasaratnam, "Weavers, Merchants and Company," 92, 94; см., например: Copy of the Petition of Dadabo Monackjee, Contractor for the Investment anno 1779, in Factory Records, G 36 (Surat), 58, Oriental and India Office Collections, British Library, London; Cousquer, *Nantes*, 31.

изводство и экспорт хлопковых тканей⁷⁶.

Власть европейских торговцев в Индии была значительной, но далеко не всеобъемлющей. Англичане жаловались, что система часто нарушалась из-за торговой деятельности «арабов и моголов, которые торговали в Дакке тканями, ежегодно увозя очень большие их количества, иногда до великих турецких владений», а также из-за «соперничества, неприятностей и расходов», связанных с ткачами и местными *banias*⁷⁷.

Эта система факторий с ее непрерывной зависимостью от местных купцов и местного капитала сохранялась на протяжении примерно двух столетий. И только в 1800 году Британская Ост-Индская компания согласилась купить отрезки ткани у Пестонджи Джемсатджи и Сорабджа Джеванджи, двух торговцев из Бомбея, более чем на один миллион рупий, а суратский *bania* Дабадо Монакджи заключил договор с ткачами к северу от города на доставку материи для

⁷⁶ Hameeda Hossain, "The Alienation of Weavers: Impact of the Conflict Between the Revenue and Commercial Interests of the East India Company, 1750–1800," in Roy, ed., *Cloth and Commerce*, 119, 117; Atul Chandra Pradhan, "British Trade in Cotton Goods and the Decline of the Cotton Industry in Orissa," in Nihar Ranjan Patnaik, ed., *Economic History of Orissa* (New Delhi: Indus Publishing Co., 1997), 244; Arasaratnam, "Weavers, Merchants and Company," 90; Shantha Hariharan, *Cotton Textiles and Corporate Buyers in Cottonopolis: A Study of Purchases and Prices in Gujarat, 1600–1800* (Delhi: Manak Publications, 2002), 49.

⁷⁷ Memorandum of the Method of Providing Cloth at Dacca, 1676, in in Factory Records, Miscellaneous, vol. 26, Oriental and India Office Collections, British Library, London.

британцев. Разумеется, португальские, английские, голландские и французские купцы были всего-навсего последними прибывшими на старый и оживленный рынок, находя свое место рядом с сотнями торговцев со всей Южной Азии и Аравийского полуострова. В Дакке еще в 1700-х годах европейские купцы получали только около трети всех продававшихся тканей. А торговые возможности европейцев в Индии оставались зависимыми от банкиров и торговцев из Южной Азии, финансировавших выращивание и обработку хлопка⁷⁸.

Однако проникновение вооруженных европейских торговцев в азиатскую торговлю постепенно вытесняло эти старые сети на обочину по мере того, как они вытесняли прежде доминировавших индийских и арабских купцов с многих рынков межконтинентальной торговли. В 1670 году один британский наблюдатель по-прежнему отмечал, что торговцы Среднего Востока «увозили в пять раз больше ситца, чем англичане и голландцы». Но с более крупными, быстрыми и надежными судами и с более разрушительной ог-

⁷⁸ Minutes of the Commercial Proceedings at Bombay Castle, April 15, 1800, in Minutes of Commercial Proceedings at Bombay Castle from April 15, 1800 to 31st December 1800, in Bombay Commercial Proceedings, P/414, Box 66, India Office Library, British Library, London; Copy of the Petition of Dadabo Monackjee, 1779, Factory Records Surat, 1780, Box 58, record G 36 (Surat), Oriental and India Office Collections, British Library, London; Report of John Taylor on the Cotton Textiles of Dacca, Home Miscellaneous Series, 456, p. 91, India Office Library, British Library, London; Lakshmi Subramanian, *Indigenous Capital and Imperial Expansion: Bombay, Surat and the West Coast* (Delhi: Oxford University Press, 1996), 15.

невой мощью, как заключил один историк, «старая схема индийско-левантийской торговли в качестве основной артерии мирового обмена претерпела полное структурное изменение», при котором «Османская империя... оказалась главным проигравшим». Гуджаратские купцы, торговавшие с Восточной Африкой, также начали сталкиваться с конкуренцией со стороны европейцев. Как только европейские купцы начали становиться все более обычным явлением в Индии, они также закрепились на рынках Восточной Африки. В результате доминирование европейцев росло по обе стороны Индийского океана. С упадком Сурата и возвышением британского Бомбея в XVIII веке торговцы в западной Индии стали даже еще более зависимы от британской власти⁷⁹.

Растущая мощь европейских торговцев и их финансовая поддержка властителей в Индии в конечном итоге имели важные последствия в самой Европе. По мере того как все больше индийского хлопка прибывало в Европу, появлялись новые рынки и новые моды. Прекрасные коленкоры и му-

⁷⁹ John Styles, "What Were Cottons for in the Early Industrial Revolution?" in Giorgio Riello and Prasannan Parthasarathi, eds., *The Spinning World: A Global History of Cotton Textiles, 1200–1850* (New York: Oxford University Press, 2009), 307–26. Halil Inalcik, "The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600," in Halil Inalcik and Donald Quataert, eds., *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 354; Pedro Machado, "Awash in a Sea of Cloth: Gujarat, Africa and the Western Indian Ocean Trade, 1300–1800," in Riello and Parthasarathi, *The Spinning World*, 169; Subramanian, *Indigenous Capital*, 4.

слины привлекали внимание растущего класса европейцев, имевших деньги для их приобретения и желание демонстрировать свой социальный статус, одеваясь в них. Индийский хлопок стал еще более модным в XVIII веке, и желание заменить этот импорт было мощным стимулом для наращивания производства хлопка в Англии и в итоге для революции в этом производстве⁸⁰.

Более того, господство в Азии сопровождалось экспансией в Америке. Когда Испания, Португалия, Франция, Англия и Голландия захватывали гигантские территории в Америке, они увозили движимые богатства континента – золото и серебро. Несомненно, часть этих украденных драгоценных металлов и была средством покупки хлопковых тканей в Индии.

Однако со временем европейским поселенцам в Северной и Южной Америке не хватило золота и серебра, и они изобрели новый путь к богатству: плантации, на которых выращивались тропические и субтропические растения, особенно сахарный тростник, а также рис, табак и индиго. Такие плантации нуждались в больших количествах работников, и, чтобы раздобыть их, европейцы депортировали первые тысячи, а затем и миллионы африканцев в Америку. Европейские торговцы строили укрепленные торговые посты вдоль западного побережья Африки: Горе в сегодняшнем

⁸⁰ Maureen Fennell Mazzaoui, *The Italian Cotton Industry in the Later Middle Ages, 1100–1600* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981), 157.

Сенегале, Элмина в сегодняшней Гане, Уида в сегодняшнем Бенине. Они оплачивали африканским правителям охоту на рабочую силу и обменивали пленников на продукцию индийских ткачей. Сначала испанские и португальские, а потом присоединившиеся к ним британские, французские, голландские, датские и прочие купцы в течение трех веков с 1500 года перевезли более 8 млн рабов из Африки в Северную и Южную Америку. В течение одного XVIII века они депортировали более 5 млн человек, в основном из западной части Центральной Африки, Бенинского залива, Золотого берега, залива Биафра⁸¹. Рабы отправлялись почти ежедневно на Карибские острова, а также вдоль побережья обеих Америк.

В результате этой торговли рос спрос на хлопковые ткани, так как африканские правители и торговцы почти всегда требовали хлопковые материи в обмен на рабов. Хотя часто считается, что работорговля приводилась в движение простым обменом ружей и безделушек на человеческий товар, рабы чаще обменивались на гораздо более банальную вещь – на хлопковый текстиль. В исследовании британского торговца Ричарда Майлза о 1308 операциях бартерного обмена на 2218 рабов Золотого берега с 1772 по 1780 год показывает, что текстиль составлял более половины стоимости всех обмененных товаров. Португальский импорт в Луанду в конце

⁸¹ “Assessing the Slave Trade,” The Trans-Atlantic Slave Trade Database, доступ 5 апреля 2013 г., <http://www.slavevoyages.org/tast/assessment/estimates.faces>.

XVIII – начале XIX века говорит о том же: ткани составляли около 60 % импорта⁸².

Африканские потребители имели дурную репутацию из-за своей привередливости и быстро менявшихся предпочтений, приводивших в отчаяние европейских торговцев. Один европейский путешественник отметил, что вкусы африканских потребителей были «самыми непостоянными и капризными», и что «две деревни редко бывали согласны в своих канонах вкуса». Когда корабль работорговцев «Дилижан» приплыл из своего французского порта в 1731 году, в трюмах был тщательно подобранный ассортимент индийского текстиля для обслуживания конкретных потребностей побережья Гвинеи. С той же целью Ричард Майлз посылал своему британскому поставщику очень специфические инструкции в отношении цветов и типов текстиля, которые в то время были востребованы на Золотом Берегу, вплоть до конкретных производителей, которых следовало нанимать. «(Мануфактуры) мистера Кершоу ни в коей мере не сравнятся с ма-

⁸² David Richardson, "West African Consumption Patterns and Their Influence on the Eighteenth-Century English Slave Trade," in Henry A. Gemery and Jan S. Hogendorn, eds. *The Uncommon Market: Essays in the Economic History of the Atlantic Slave Trade* (New York: Academic Press, 1979), 304; Joseph C. Miller, "Imports at Luanda, Angola 1785–1823," in G. Liesegang, H. Pasch, and A. Jones, eds. *Figuring African Trade: Proceedings of the Symposium on the Quantification and Structure of the Import and Export and Long-Distance Trade in Africa 1800–1913* (Berlin, 1986), 164, 192; George Metcalf, "A Microcosm of Why Africans Sold Slaves: Akan Consumption Patterns in the 1770s," *Journal of African History* 28, no. 3 (January 1, 1987): 378–80.

нуфактурами Найпа, – сообщал он своему британскому корреспонденту в одном из писем 1779 года, – по крайней мере, не в глазах черных торговцев здесь, а ведь именно им необходимо угодить»⁸³. Европейская торговля хлопковым текстилем связывала Азию, Америку и Европу в единую сложную коммерческую сеть. Еще никогда на протяжении четырех тысячелетий истории хлопка не была создана подобная система, охватывавшая весь мир. Никогда прежде изделиями индийских ткачей не платили в Африке за рабов, покупавшихся для работы на плантациях в Америке, где выращивались сельскохозяйственная продукция для европейских потребителей. Это была внушительная система, которая ясно говорила о преобразовательной мощи союза капитала и государственной власти. Наиболее радикальными были не отдельные характеристики этих торговых механизмов, а сама система, в которую они входили, и то, каким образом различные части этой системы подпитывали друг друга: европейцы изобрели новый способ организации экономической деятельности.

Экспансия европейских торговых сетей в Азии, Африке и

⁸³ Harry Hamilton Johnston, *The Kilima-Njaro Expedition: A Record of Scientific Exploration in Eastern Equatorial Africa* (London, 1886), 45; цит. по: Jeremy Prestholdt, "On the Global Repercussions of East African Consumerism," *American Historical Review* 109, no. 3 (June 1, 2004): 761, 765; Robert Harms, *The Diligent: A Voyage Through the Worlds of the Slave Trade* (New York: Basic Books, 2002), 81; Miles to Shoolbred, 25 July 1779, T70/1483, Public Records Office, London, цит. по: Metcalf, "A Microcosm of Why Africans Sold Slaves," 388.

Америке строилась не на предложении лучших товаров по хорошим ценам, а на подчинении конкурентов войной и на принудительном европейском торговом присутствии во многих регионах мира. В зависимости от относительного баланса общественных сил в конкретных местах этот центральный принцип реализовывался по-разному. В Азии и Африке европейцы селились в прибрежных анклавах и доминировали в заокеанской торговле, поначалу не занимаясь выращиванием и производством хлопка. В других частях мира, прежде всего в Америке, местное население эксплуатировалось, а часто вытеснялось с мест своего обитания или уничтожалось. Европейцы создали новый мир, начав разворачивать плантаторское земледелие в массовом масштабе. Когда европейцы занялись производством, они сделали экономическую ставку на рабство. Эти три движущие силы – имперская экспансия, экспроприация и рабство – стали основой возникновения капитализма.

Они сочетались еще с одной чертой нового мира: с государственной поддержкой этих предприятий торговли и поселений, однако это было слабым фактором в установлении власти над далекими территориями и народами. Вместо этого частные капиталисты, нередко организованные в учрежденные государственными хартиями компании (как, например, Британская Ост-Индская компания) устанавливали власть над землей и людьми и структурировали связи с местными правителями. Мощно вооруженные капита-

листы-захватчики стали символом этого нового мира европейского господства, так как их начиненные пушками корабли, купцы-солдаты, вооруженная частная милиция и поселенцы захватывали земли и рабочую силу и подрывали, вполне буквально, позиции конкурентов. Приватизированное насилие было одним из их основных навыков. Хотя европейские государства предусматривали, поощряли и поддерживали создание огромных колониальных империй, они оставались слабы и беспомощны, предоставляя простор для частной инициативы и возможность создания новых форм торговли и производства. Этот момент в истории капитализма характеризовался не надежными правами собственности, а волной экспроприации труда и земли, что свидетельствует о нелиберальной природе истоков капитализма.

Сердцем этой новой системы было рабство. Депортация многих миллионов африканцев в Северную и Южную Америку сделала более интенсивными связи с Индией ввиду увеличения потребности в поставках хлопковых тканей. Именно благодаря этой торговле установилось более весомое коммерческое присутствие европейцев в Африке. Именно благодаря этой торговле появилась возможность наделить экономической ценностью обширные территории, захваченные в Америке, и таким образом преодолеть ресурсные ограничения Европы. Эта многогранная система безусловно существовала в разных вариантах и с течением времени изменялась, но она настолько отличалась от прежнего мира и от то-

го мира, который возникнет из нее в XIX столетии, что заслуживает своего собственного названия – военный капитализм.

Военный капитализм опирался на способность богатых и могущественных европейцев делить мир на «внутренний» и «внешний». «Внутренний» мир включал в себя законы, институты и обычаи отечества, в котором царил поддерживаемый государством порядок. Напротив, чертами «внешнего» мира были имперское господство, экспроприация огромных территорий, уничтожение туземного населения, кража их ресурсов, порабощение людей и господство частных капиталистов на обширных землях при незначительном реальном надзоре со стороны далеких европейских государств.

К этим имперским владениям правила «внутреннего» мира были неприменимы. Здесь хозяева были важнее государств, насилие игнорировало закон, а бесцеремонное физическое принуждение со стороны частных лиц перекраивало рынки. Хотя, как утверждал Адам Смит, такие территории продвигались «быстрее к благосостоянию и величию, чем любое другое человеческое общество», это происходило посредством социальной *tabula rasa*, что, пожалуй, парадоксальным образом обеспечило фундамент для появления очень различных воплощений «внутреннего» мира военного капитализма⁸⁴.

⁸⁴ См. также: Carl Wennerlind, *Casualties of Credit: The English Financial Revolution, 1620–1720* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011); Adam

Военный капитализм имел беспрецедентный преобразовательный потенциал. Будучи в основании зародившегося нового мира, характеризующегося устойчивым экономическим ростом, он стал причиной неизмеримых страданий, но при этом источником последующего преобразования организации экономического пространства: многополярный мир все больше приближался к однополярности. Власть, далеко распространявшаяся по многим континентам, с помощью множества сетей все больше концентрировалась вокруг центрального узла, где доминировали европейские капиталисты и европейские государства. Основой этих изменений был хлопок, а многочисленные и разнообразные миры производства и распределения этого товара все более подчинялись иерархической империи, организованной в глобальном масштабе.

Внутри самой Европы эта глобальная реорганизация экономического пространства имела последствия, затронувшие весь континент. «Атлантические» державы, такие как Нидерланды, Великобритания и Франция, вытеснили прежние экономические центры влияния, такие как Венеция и подвластные ей территории, расположенные на севере Италии. Когда атлантическая торговля вытеснила средиземноморскую, а Новый Свет стал серьезным производителем сырья, значимость в производстве хлопкового текстиля имевших

связь с Атлантическим океаном городов также выросла. Ведь уже в XVI веке расширявшееся производство хлопка в Европе зависело от быстрорастущих рынков по всему атлантическому миру – от рынков материи в Африке до недавно возникших источников хлопка-сырца в Северной и Южной Америке. После того как Антверпен приобрел значительную роль в торговле хлопком-сырцом, а заморская экспансия открыла доступ к гигантским новым рынкам, в таких фламандских городах, как Брюгге (начиная с 1513 года) и Лейден (начиная с 1574 года), стало быстро развиваться производство хлопковых тканей. По тем же причинам в конце XVI века начали организовывать хлопковые прядильные и ткацкие предприятия и французские производители⁸⁵.

Среди этих тектонических сдвигов в географии отрасли наиболее важным в долгосрочной перспективе стало появление хлопкового производства в Англии. К 1600 году фламандские религиозные беженцы начали ткать хлопковые материи в английских городах. Самое раннее упоминание хлопка относится к 1601 году, «когда имя Джорджа Арнольда, ткача фустианов из Болтона, появилось в записях суда квартальных сессий». К 1610 году с хлопком работали

⁸⁵ Mazzaoui, *The Italian Cotton Industry*, 162; Alfred P. Wadsworth and Julia De Lacy Mann, *The Cotton Trade and Industrial Lancashire, 1600–1780* (Manchester: Manchester University Press, 1931), 116; Mann, *The Cotton Trade of Great Britain*, 5; Wolfgang von Stromer, *Die Grundung der Baumwollindustrie in Mitteleuropa* (Stuttgart: Hiersemann, 1978), 28; H. Wescher, “Die Baumwolle im Altertum,” in *Ciba-Rundschau* 45 (June 1940): 1644–45.

уже довольно многие. Отрасль расширялась, и к 1620 году британские производители хлопка уже вывозили свои товары во Францию, Испанию, Голландию и Германию. Производители хлопка особенно процветали в северном английском графстве Ланкашир, где и отсутствие цехового контроля, и близость к Ливерпулю, важному для работоторговли порту, стали решающими обстоятельствами для производителей, снабжавших торговлю рабами в Африке и плантации в Америке⁸⁶.

Эта медленно возникавшая английская хлопковая промышленность использовала более ранний опыт производства льняных и шерстяных тканей. Как и на континенте, сначала хлопок производился в сельской местности. Торговцы, многие из них пуритане и другие диссентеры, раздавали авансом хлопок-сырец крестьянам, которые, используя семейную рабочую силу по сезонному графику, пряли и ткали этот хлопок, а затем возвращали свою продукцию торговцам для продажи. Когда спрос на хлопковые ткани резко вырос, прядение и ткачество стали играть еще более важную роль для крестьян с небольшими наделами, и некоторые из них в конечном итоге оставили традиционное занятие земледелием и попали в полную зависимость от хлопковой отрасли. Некоторые из торговцев, организовывавших надомное хлопковое производство, превратились в солидных дельцов. По мере накопления капитала они расширяли про-

⁸⁶ Wadsworth and Mann, *The Cotton Trade*, 11, 15, 19, 21, 72.

изводство, обеспечивая еще больше кредита для еще большего количества прядильщиц и ткачей, поддерживая «экстенсификацию» производства – его географическое рассеяние по еще более обширным пространствам сельской местности. Это была классическая мануфактурная надомная система, очень близкая к своим воплощениям во всей Азии за века до этого или в британской шерстяной отрасли. Сельская местность становилась все более индустриальной, а ее обитатели – все более зависимыми от мануфактурной работы на удаленных торговцев⁸⁷.

В отличие от индийских прядильщиков и ткачей, растущий класс английских работников хлопковой отрасли не имел независимого доступа к сырью или к рынкам. Они были полностью подчинены торговцам – и поэтому естественно, что они пользовались меньшей независимостью и влиянием, чем их индийские коллеги⁸⁸. В результате британские торговцы-мануфактурщики имели больше власти, чем индийские *baniyas*. Занятые в хлопковой индустрии британцы были частью восходящей мировой державы, чей военный флот все увереннее доминировал в морях всего мира, чьи территориальные владения в Америке и Азии – и среди них прежде всего Индия – быстро развивались и чьи рабовладельцы со-

⁸⁷ 18. Ibid., 4, 5, 27, 29, 42, 55, 73. Эта тенденция в европейской сельской местности сначала появилась в обработке шерсти. См.: Herman van der Wee, “The Western European Woolen Industries, 1500–1750,” in David Jenkins, *The Cambridge History of Western Textiles* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), 399.

⁸⁸ Wadsworth and Mann, *The Cotton Trade*, 36.

здавали систему плантаций, которая во многих отношениях опиралась на возможности прядильщиков и ткачей в тысячах миль от них на далеких плоскогорьях Ланкашира и равнинах Бенгалии.

Несмотря на эти начинания, их значение стало заметно только в ретроспективе. На протяжении XVII и XVIII веков европейская хлопковая отрасль не была особенно выдающейся. В Англии, да и по всей Европе, «производство хлопка оставалось почти неподвижным». Даже после 1697 года оно росло медленно. Например, для удвоения количества переработанного в пряжу и ткань хлопка-сырца до 3,67 млн фунтов потребовалось шестьдесят семь лет. Это количество хлопка использовалось в течение целого года. Для сравнения, в 1858 году США могли экспортировать такое количество примерно за один день. Во Франции ситуация была такой же, а вне Британии и Франции спрос на хлопок был еще меньше⁸⁹.

Так как хлопок не выращивался в самой Европе, необходимое для отрасли сырье должно было доставляться из отдаленных мест. Скромный спрос на хлопок-сырец со стороны европейских производителей XVII и XVIII веков – в период, предшествовавший расцвету новых машин, которые к 1780

⁸⁹ Mann, *The Cotton Trade of Great Britain*, 6; Edward Baines, *History of the Cotton Manufacture in Great Britain* (London: Fisher, Fisher and Jackson, 1835), 109; Bernard Lepetit, “Frankreich, 1750–1850,” in Wolfram Fischer et al., eds, *Handbuch der Europaischen Wirtschafts-und Sozialgeschichte*, vol. 4 (Stuttgart: Klett-Verling fur Wissen und Bildung, 1993), 487.

году принесли революцию в хлопковое производство, – в основном удовлетворялся с помощью устоявшихся и диверсифицированных торговых каналов, по которым хлопок передавался все еще в числе множества других товаров. В 1753 году двадцать шесть судов с хлопком прибыли в порт Ливерпуля с Ямайки, причем на борту двадцати четырех из них было менее пятидесяти тюков волокна⁹⁰. Не существовало ни торговцев, ни портов, ни таких регионов мира, которые специализировались бы на производстве хлопка на экспорт.

Самым древним источником хлопкового импорта в Европу была Османская империя, особенно Западная Анатолия и Македония. На протяжении XVII века хлопок из Измира и Салоник преобладал на местных рынках, прибывая в Лондон и Марсель помимо прочих восточных товаров, таких как шелк и мохеровая пряжа. Поскольку в XVIII веке европейский спрос на хлопок-сырец рос медленно, хлопок из Османской империи продолжал занимать значительную долю рынка: с 1700 по 1745 год он составлял четверть всего британского импорта и такую же долю от привезенного в Марсель⁹¹.

⁹⁰ Wadsworth and Mann, *The Cotton Trade*, 187.

⁹¹ Обзор этой торговли см.: Elena Frangakis-Syrett, “Trade Between the Ottoman Empire and Western Europe: The Case of Izmir in the Eighteenth Century,” *New Perspectives on Turkey* 2 (1988): 1–18; Baines, *History of the Cotton Manufacture*, 304; Mann, *The Cotton Trade of Great Britain*, 23. Эллисон ошибочно утверждает, что «приблизительно за двадцать лет до окончания прошлого века ввозимый в Великобританию хлопок почти полностью поступал из Средиземноморья, в основном из Смирны»; см.: Thomas Ellison, *The Cotton Trade of Great Britain: Including a History of the Liverpool Cotton Market* (London and Liverpool: Effingham

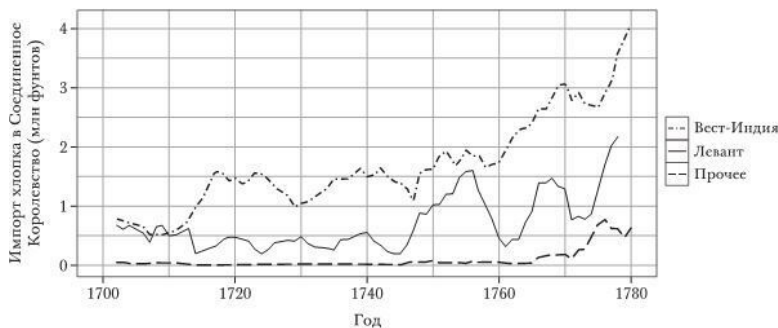
Небольшие количества хлопка-сырца прибывали из других регионов мира, например, это был индийский хлопок, который благодаря Ост-Индской компании начал поставаться в Лондон в 1690-х годах. Таким же образом в 1720-х годах Королевская африканская компания отчиталась о продаже «в их доме на Лиден-Холл-Стрит у Кэндла в четверг, в 12-й день сентября 1723 года в десять часов до полудня... хлопка из Гамбии». Годом позже они предлагали «бочки тонкого шелкового хлопка... из Уайдэй» и на следующий год «мешки гвинейского хлопка». Но эти незначительные объемы бледнели в сравнении с такими более важными предметами торговли, как слоновьи бивни⁹².

Однако более важным был новый источник хлопка – Вест-Индия. Хотя хлопок оставался незначительной культурой по сравнению с сахаром, ряд мелких фермеров, обладавших

Wilson, 1886), 81. О Салониках см.: Nicolas Svoronos, *Le commerce de Salonique au XVIIIe siecle* (Paris: Presses Universitaires de France, 1956); Manchester Cotton Supply Association, *Cotton Culture in New or Partially Developed Sources of Supply: Report of Proceedings* (Manchester: Cotton Supply Association, 1862), 30, Цит. по: Oran Kurmus, "The Cotton Famine and Its Effects on the Ottoman Empire," in Huri Islamoglu-Inan, ed., *The Ottoman Empire and the World-Economy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1987), 161; Resat Kasaba, *The Ottoman Empire and the World Economy: The Nineteenth Century* (Albany: State University of New York Press, 1988), 21. По поводу общего фона см. также: Bruce McGowan, *Economic Life in Ottoman Europe: Taxation, Trade and the Struggle for Land, 1600–1800* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981).

⁹² Wadsworth and Mann, *The Cotton Trade*, 183; Treasury Department, T 70/1515, "Allotment of goods to be sold by the Royal African Company of England," National Archives of the UK, Kew.

меньшими ресурсами для инвестирования, чем сахарные бароны, выращивали «белое золото». Производство этих *petits blancs*, как их звали на французских островах, до 1780 года оставалось довольно статичным. Но даже такие небольшие количества вест-индского хлопка обеспечивали заметную долю потребностей британской и французской хлопковых отраслей. Однако важнее было то, что способ производства этого хлопка, как мы увидим, был ориентирован на будущее⁹³.

Импорт хлопка в Великобританию (1702–1780-е гг.), по месту происхождения, в миллионах фунтов, скользящие пятилетние средние значения

⁹³ Wadsworth and Mann, *The Cotton Trade*, 186; Lowell Joseph Ragatz, *Statistics for the Study of British Caribbean Economic History, 1763–1833* (London: Bryan Edwards Press, 1927), 22; Lowell Joseph Ragatz, *The Fall of the Planter Class in the British Caribbean* (New York: Century Co., 1928), 39.

Таким образом, до 1770 года европейские торговцы получали ценное волокно с помощью прочно установившихся сетей из самых разнообразных мест. За исключением Вест-Индии их влияние не простиралось дальше самих портовых городов, и у них не было ни достаточного влияния, чтобы вникать в процесс выращивания хлопка в глубине страны, ни желания выделять капитал на дополнительное выращивание хлопка. Хлопок поступал к ним потому, что они были готовы платить запрошенную за него цену, но при этом они не могли влиять на то, как этот хлопок появлялся. Местные хлопководы и торговцы оставались влиятельными участниками глобального круговорота хлопка-сырца не в последнюю очередь потому, что они не специализировались на производстве хлопка ни на экспорт в целом, ни на экспорт в Северную Европу⁹⁴.

По мере того как небольшие количества хлопка-сырца поступали в Европу для удовлетворения потребностей растущей, но в глобальных масштабах слабой европейской хлопковой отрасли, спрос на хлопковую ткань рос в Европе, а также в Африке и на рабовладельческих плантациях в Америке. Но европейское производство было недостаточным для его удовлетворения. В результате английские, французские, голландские, датские и португальские купцы, все с оди-

⁹⁴ Этот вопрос также подробно разбирается в отношении Османской империи в Elena Frangakis-Syrett, *The Commerce of Smyrna in the Eighteenth Century (1700–1820)* (Athens: Centre for Asia Minor Studies, 1992), 14; Svoronos, *Le commerce de Salonique au XVIIIe siècle*, 246.

наково лихорадочной энергией, старались получить больше хлопкового текстиля из Индии на все более выгодных условиях. Если в 1614 году британские торговцы экспортировали 12 500 штук хлопковой материи, то с 1699 по 1701 год это число возросло до 877 789 штук в год. Экспорт тканей британцами увеличился в 70 раз в течение менее чем ста лет⁹⁵.

Чтобы обеспечить поставки этого баснословного количества текстиля из Индии по выгодным ценам, представители европейских Ост-Индских компаний начали глубже встраиваться в производственный процесс внутри самой Индии. Десятилетиями представители учрежденных государственным хартиями европейских Ост-Индских компаний сетовали на то, что индийские ткачи могли продавать свою продукцию конкурирующим европейским компаниям, конкурирующим индийским *baniyas*, купцам из других регионов мира или даже частным европейским купцам, которые действовали независимо от компаний, создавая конкуренцию и поднимая цены. Прибыльность могла возрасти только в том случае, если бы европейцам удалось заставить ткачей работать лишь на одну их компанию. Монополизация рынка позволила снизить доходы ткачей и повысить цены на некоторые товары⁹⁶.

⁹⁵ Joseph E. Inikori, *Africans and the Industrial Revolution in England: A Study in International Trade and Economic Development* (New York: Cambridge University Press, 2002), 429–31.

⁹⁶ Arasaratnam, “Weavers, Merchants and Company,” 100; K. N. Chaudhuri, *The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760* (Cambridge:

Получить хлопковые ткани в требуемом количестве и качестве и по желаемым ценам европейским купцам помогло то, что их деловая активность была подкреплена политическим контролем над все более обширными индийскими территориями. Они выступали не только как купцы, но все больше как правители. Например, к 1730-м годам в фактории Дакки размещался контингент военных и оружие для защиты интересов компании. За поразительно краткий период к 1765 году Британская Ост-Индская компания – группа торговцев – стала править Бенгалией, а в последующие десятилетия распространила свой контроль и на другие территории Южной Азии. Такие территориальные притязания реализовывались с помощью выросших к концу XVIII века инвестиций в торговлю хлопком-сырцом между Индией и Китаем, что давало им также надежду на присоединение хлопковых участков западной Индии к территориям Ост-Индской компании. Установление частной политической власти учрежденной государством компании над дальними территориями было революционной концепцией экономической власти. Государства разделяли власть над территориями и людьми с частными предпринимателями⁹⁷.

Cambridge University Press, 1978), 259; Debendra Bijoy Mitra, *The Cotton Weavers of Bengal, 1757–1833* (Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1978), 5; Prasannan Parthasarathi, “Merchants and the Rise of Colonialism,” in Burton Stein and Sanjay Subrahmanyam, eds., *Institutions and Economic Change in South Asia* (Delhi: Oxford University Press, 1996), 89.

⁹⁷ Arasaratnam, “Weavers, Merchants and Company,” 85; Diary, Consultation, 18

Среди всего прочего это новое сочетание экономической и политической власти позволяло европейским торговцам получить большее влияние на производство текстиля, особенно увеличивая контроль над ткачами⁹⁸. Уже в XVII веке вдоль берега Коромандела влиятельных индийских торговцев, которые действовали в качестве брокеров между индийскими ткачами и европейскими экспортерами, все чаще сменяли агенты, которые гораздо сильнее зависели от европейских компаний. В Сурате, который, как и Бенгалия, оказался под управлением компании в 1765 году, Торговая палата генерал-губернатора в 1795 году выражала неудовольствие

практиковавшейся до настоящего времени системой использования подрядчика, который сам не имеет непосредственной связи с производителями или ткачами, а участвует в контрактах с большим числом местных торговцев, имеющих мало собственности и честности и потому недостаточно ответственных, неспособных платить штрафы в случае утраты товара, и тем, что в реальности товары никогда не переходят в их собственность, и предполагаем, что существующие сейчас трудности не исчезнут без ликвидации или

January 1796, in Surat Factory Diary No. 53, part 1, 1795–1796, Maharashtra State Archive, Mumbai; важность экономической и политической власти также подчеркивает Mitra, *The Cotton Weavers of Bengal*, 4; B. C. Allen, *Eastern Bengal District Gazetteers: Dacca* (Allahabad: Pioneer Press, 1912), 38–39; Subramanian, *Indigenous Capital*, 202–3, 332.

⁹⁸ K. N. Chaudhuri, “The Organisation and Structure of Textile Production in India,” in Roy, *Cloth and Commerce*, 59.

самого существенного преобразования этой системы⁹⁹.

Устранение индийских посредников обещало иностранным торговцам лучший контроль над производством и способность обеспечить большие количества штучного товара. С этой целью Ост-Индская компания пыталась обойти независимых индийских *baniyas*, через которых исторически происходила ее связь с ткачами, передавая эту ответственность индийским «агентам», которым они поручали расплачиваться с работниками. Торговая палата в Лондоне во всех подробностях инструктировала генерал-губернатора, как следует изменить систему приобретения хлопковых тканей, надеясь посредством этого «вернуть компании ее естественное понимание бизнеса» и таким образом получить больше тканей по более низким ценам, применяя «великие фундаментальные принципы агентской системы». Компания теперь через своих индийских агентов непосредственно выдавала авансы ткачам – чего британцы не делали в прежние годы и чему весьма содействовал контроль над территориями и соответствующее политическое руководство. Так как ткачи всегда зависели от кредита, внедрение европейцев в эту кредитную сеть вместе с усилиями европейских торговцев, направленными на монополизацию экономического контроля в некоторых частях Индии, делало их все более зависимыми от компании. Уже к середине XVIII века европейские

⁹⁹ Commercial Board Minute laid before the Board, Surat, 12 September 1795, in Surat Factory Diary No. 53, part 1, 1795–1796, Maharashtra State Archive, Mumbai.

компании посылали агентов вглубь центров производства в сельской местности вблизи Дакки, агентов, которые все в большей степени определяли условия производства и таким образом могли снижать цены. В 1790-х годах Ост-Индская компания даже побуждала ткачей переселяться в Бомбей и делать ткани там – все с целью ведения лучшего надзора за ними, «не подвергаясь вымогательству со стороны слуг раджи Траванкора»¹⁰⁰.

Вторжение британской власти на субконтинент означало, что ткачи все больше теряли свою способность устанавливать цены на ткани. По мнению историка Синнаппаха Арасаратнама, «они не могли работать на любого клиента по собственному выбору; они должны были принимать часть платы в виде хлопковой пряжи; их производственный процесс подвергался строгому надзору со стороны служащих компании, размещавшихся в деревне». Ткачи теперь часто бывали вынуждены брать авансы у конкретных торговцев. Конечной

¹⁰⁰ Копия письма Gamut Farmer, President, Surat, to Mr. John Griffith, Esq., Governor in Council Bombay, 12 December 1795, in Surat Factory Diary No. 53, part 1, 1795–1796, Maharashtra State Archive, Mumbai; Arasaratnam, “Weavers, Merchants and Company,” 86; Board of Trade, Report of Commercial Occurrences, 12 September 1787, in Reports to the Governor General from the Board of Trade, RG 172, Box 393, Home Miscellaneous, India Office Records, British Library, London; Letter from John Griffith, Bombay Castle to William [illegible], Esq., Chief President, 27 October 1795, in Surat Factory Diary No. 53, part 1, 1795–1796, Maharashtra State Archive; Hossain, “The Alienation of Weavers,” 121, 125; Mitra, *The Cotton Weavers of Bengal*, 9; Dispatch, London, 29 May 1799, in Bombay Dispatches, E/4, 1014, Oriental and India Office Collections, British Library, London.

целью, которая никогда не была полностью реализована, было превратить ткачей в наемных работников – аналогично тому, что торговцы того времени с успехом осуществили в деревнях самой Англии¹⁰¹.

Чтобы добиться своих целей, компания теперь также применяла свою силу принуждения непосредственно к ткачам. Компания нанимала большое число индийцев для надзора и применения новых правил и требований, таким образом бюрократизируя рынок тканей. Новые обширные требования юридически прикрепляли ткачей к компании, делая невозможной продажу их материй на свободном рынке. Агенты компании теперь инспектировали материю на ткацких станках, стараясь добиться, чтобы ткань была согласно обещанию продана компании. Новая налоговая система наказывала тех ткачей, которые работали на других¹⁰².

Компания также все активнее прибегала к насилию, включая телесные наказания. Когда агент компании пожаловался, что ткач нелегально работал на частного торговца, [sic] «служащий компании Гумашта схватил его вместе с сыном, жестоко высек его, раскрасил ему лицо черным и белым, связал руки за спиной и провел по городу под конвоем сипа-

¹⁰¹ Parthasarathi, "Merchants and the Rise of Colonialism," 99–100; Arasaratnam, "Weavers, Merchants and Company," 107, 109; Chaudhuri, "The Organisation and Structure of Textile Production in India," 58–59; Chaudhuri, *The Trading World of Asia and the English East India Company*, 261.

¹⁰² Arasaratnam, "Weavers, Merchants and Company," 102, 107; Mitra, *The Cotton Weavers of Bengal*, 48; Hossain, "The Alienation of Weavers," 124–25.

ев [нанятых англичанами индийских солдат], провозглашавших: „каждый ткач, замеченный в работе на частного торговца, будет наказан таким же образом“». Такие методы давали желаемый результат: доход индийских ткачей упал. В конце XVII века ткачу могло достаться до трети цены ткани. По мнению историка Ома Пракаша, к концу XVIII века доля производителя упала до 6 %. Доход и уровень жизни снизился, и колыбельная ткачей Салии с тоской рассказывала о сказочных временах, когда у их ткацких станков были серебряные планки. К 1795 году сама компания отметила «беспрецедентную смертность среди ткачей»¹⁰³.

Неудивительно, что ткачи сопротивлялись принудительному проникновению европейского капитала в производственный процесс. Некоторые собирали вещи и уходили с территорий, подконтрольных европейцам. Другие тайно работали и на конкурентов, но необходимость скрываться делала их беззащитными перед низкими ценами. Временами группы ткачей коллективно обращались к Ост-Индской ком-

¹⁰³ Bowanny Sankar Mukherjee цит. по: Hossain, “The Alienation of Weavers,” 129; по этому пункту см.: Om Prakah, “Textile Manufacturing and Trade Without and with Coercion: The Indian Experience in the Eighteenth Century” (unpublished paper, Global Economic History Network Conference Osaka, December 2004), 26, <http://www.lse.ac.uk/economicHistory/Research/GEHN/GEHNPdf/PrakashGEHN5.pdf>; Hossain, *The Company Weavers of Bengal*, 52; Vijaya Ramaswamy, *Textiles and Weavers in South India* (New York: Oxford University Press, 2006), xiii, 170; Copy of Letter from Board of Directors, London, 20 April, 1795, to our President in Council at Bombay, in Surat Factory Diary No. 53, part 1, 1795–1796, in Maharashtra State Archive, Mumbai.

пании с жалобами на препятствия, которые компания чинила свободной торговле¹⁰⁴.

Такое сопротивление иногда ослабляло власть европейских капиталистов. Так, несмотря на свое желание уничтожить индийских посредников, Ост-Индская компания поняла, что «невозможно обойтись без подчиненных поставщиков, работавших по контракту», чью намного более плотную социальную сеть в деревнях ткачей никогда нельзя будет полностью заменить агентами компании. Интересы независимых европейских торговцев также часто работали против компании, так как они предлагали ткачам больше денег за их продукцию, таким образом давая ткачам стимул препятствовать политике компании¹⁰⁵.

Несмотря на такие ограничения, агрессивная политика обеспечила поступление еще большего количества материи на склады европейских купцов. Европейский экспорт тканей из Индии в 1727 году составил, по оценкам, 30 млн ярдов и к 1790 году вырос до 80 млн ярдов в год. Прежде всего

¹⁰⁴ Важность сопротивления также подчеркивал Mitra, *The Cotton Weavers of Bengal*, 7; важность мобильности подчеркивал Chaudhuri, *The Trading World of Asia and the English East India Company*, 252; Arasaratnam, “Weavers, Merchants and Company,” 103; см.: Details Regarding Weaving in Bengal, Home Miscellaneous Series, 795, pp. 18–22, India Office Library, British Library, London.

¹⁰⁵ Commercial Board Minute laid before the Board, Surat, 12 September 1795, in Surat Factory Diary No. 53, part 1, 1795–1796, Maharashtra State Archive, Mumbai; Homes Miscellaneous Series, 795, pp. 18–22, Oriental and India Office Collections, British Library, London. См. также: Parthasarathi, “Merchants and the Rise of Colonialism,” 94.

британские купцы, но и их французские конкуренты контролировали получение и экспорт гигантского количества хлопка, сотканного на экспорт: в 1776 году один только район Дакки насчитывал примерно восемьдесят тысяч ткачей, а в 1795 году, по оценкам Ост-Индской компании, один город Сурат имел пятьдесят тысяч ткацких станков. И требовалось еще больше. Депеша 1765 года из лондонской конторы Ост-Индской компании корреспондентам в Бомбее о тех возможностях, которые сулил воцарившийся после Семилетней войны мир, превосходно обобщает суть революционных изменений в концепции мировой экономики¹⁰⁶.

После заключения мира работорговля на африканском побережье значительно выросла, вследствие чего спрос на подходящие для этого рынка товары стал очень велик; и так как мы стремимся внести вклад по мере наших сил в поощрение торговли, от которой так сильно зависит процветание британских плантаций в Вест-Индии, и, следовательно, считая это национальным интересом, мы ожидаем от вас и явно поручаем вам как можно точнее придерживаться общих условий поставки не только нескольких товаров,

¹⁰⁶ Amalendu Guha, "The Decline of India's Cotton Handicrafts, 1800–1905: A Quantitative Macro-study," *Calcutta Historical Journal* 17 (1989): 41–42; Chaudhuri, "The Organisation and Structure of Textile Production in India," 60; Количество работающих ткачей в 1786–87 годах в Дакке и вокруг нее оценивалось в 16 403 человек. Homes Miscellaneous Series, 795, pp. 18–22, Oriental and India Office Collections, British Library, London; Diary, Consultation, 18 January 1796, in Surat Factory Diary No. 53, part 1, 1795–1796, Maharashtra State Archive, Mumbai.

заказанных в вышеупомянутом списке инвестиций (т. е. ткани), но и тех товаров, которые отмечены литерой «А» и которые более необходимы для этой торговли¹⁰⁷.

Как ясно из этого послания, хлопок из Индии, рабы из Африки и сахар с Карибских островов перемещались по планете в сложном коммерческом танце. Огромный спрос на рабов в Америке делал необходимым получение большего количества хлопковой ткани из Индии. Неудивительно, что Френсис Бэринг из Ост-Индской компании заключил в 1793 году, что из Бенгалии «в руки Великобритании... утекли невероятные потоки сокровищ»¹⁰⁸.

Могло бы показаться, что растущий контроль европейских торговцев над процессом производства в Индии угрожал не особенно солидному и динамичному, только зарождавшемуся европейскому хлопковому производству. Как реально могли конкурировать английские, французские, голландские и прочие производители с индийскими тканями, которые были и качественнее, и дешевле? Но, видимо, европейское производство развивалось даже тогда, когда Ин-

¹⁰⁷ Dispatch from East India Company, London to Bombay, 22 March 1765, in Dispatches to Bombay, E/4, 997, Oriental and India Office Collections, British Library, London, p. 611.

¹⁰⁸ Report of the Select Committee of the Court of Directors of the East India Company, Upon the Subject of the Cotton Manufacture of this Country, 1793, Home Miscellaneous Series, 401, p. 1, Oriental and India Office Collections, British Library, London.

дия экспортировала больше тканей. Парадоксально, но импорт из Индии помог европейскому хлопковому текстильному производству тем, что создал новые рынки для хлопковых тканей и позволил европейцам перенимать соответствующие технологии из Азии. Более того, в долгосрочной перспективе импорт из Индии существенно повлиял на европейские политические приоритеты. Как мы увидим, Великобритания, Франция и другие страны стали новыми мощными государствами с влиятельной группой капиталистов; и для государств, и для отдельных людей замена индийского импорта тканями, произведенными в родной стране, стала важным, хотя и труднореализуемым приоритетом.

Протекционизм играл ключевую роль в этом процессе, вновь подтверждая огромное значение государства в «великом расхождении». К концу XVII века под влиянием и хлопкового импорта, и расширения собственного хлопкового производства европейские производители шерстяных и льняных тканей оказывали давление на свои правительства, чтобы получить защиту от появившихся производителей хлопковых тканей в целом и от индийских в особенности. Текстиль был важнейшей отраслью производства в Европе: дезорганизация сектора за счет импорта и производства хлопка могла угрожать доходам и социальной стабильности¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Inikori, *Africans and the Industrial Revolution in England*, 430; Inalcik, "The Ottoman State," 355.

Уже в 1621 году, лишь чуть больше чем через два десятилетия после создания Ост-Индской компании, лондонские торговцы шерстью протестовали против растущего импорта хлопковой материи. Спустя два года, в 1623 году, парламент, обсуждая импорт текстиля из Индии, назвал его «вредящим национальным интересам». Агитация против хлопкового импорта стала постоянной чертой политического ландшафта в XVII и XVIII веках. Памфлет 1678 года «Разрушение и восстановление старинных промыслов» предупреждал, что шерстяной отрасли «очень вредят наши собственные люди, которые носят много иностранных изделий вместо наших собственных». В 1708 году журнал *Defoe's Review* напечатал горькую редакционную статью, в которой рассматривался «реальный упадок наших производителей» и которая приписывала ухудшение растущему импорту «ситцев и расписных коленкоров» Ост-Индской компании. Результатом было то, что «у [людей] вынули хлеб изо рта, и ост-индская торговля унесла прочь все рабочие места». Против индийского импорта обычно выступали производители шерстяных и льняных тканей, но иногда начинали протестовать также и производители хлопковых тканей: в 1779 году печатники коленкора, опасаясь, что Ост-Индская компания разрушит их бизнес, написали в казначейство, что «если не будет наложен запрет на Ост-Индскую компанию, продолжавшую печатное производство в Ост-Индии, еще очень многие

должны будут оставить этот род деятельности»¹¹⁰.

Такая агитация вела к протекционистским мерам. В 1685 году Англия установила пошлину в 10 % на «все коленкоры и другое индийское полотно и все отделанные шелка, которые произведены в Индии». В 1690 году эта пошлина была удвоена. В 1701 году парламент запретил импорт печатных коленкоров, что привело к импорту простых коленкоров для последующей обработки в Англии и гигантскому росту британской печати на коленкоре. Закон 1721 года дошел до того, что запретил людям носить печатные коленкоры, если сам белый коленкор происходил из Индии, – эта мера придала ускорение производству коленкора в Британии. Продажа индийского хлопка в конце концов была полностью объявлена вне закона: в 1772 году Роберт Гардинер из Лондона сдал квартиру некоему У. Блэру, который «принес незаконные товары в свой дом», а именно индийский муслин. Его отправили в тюрьму. В 1774 году парламент постановил, что хлопковая ткань для продажи в Англии должна быть сделана

¹¹⁰ M. D. C. Crawford, *The Heritage of Cotton: The Fibre of Two Worlds and Many Ages* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1924), xvii; парламентские дебаты цит. по: Cassels, *Cotton*, 1; памфлет процитирован в Baines, *History of the Cotton Manufacture*, 75; Defoe and McVeagh, *A Review of the State of the British Nation*, vol. 4, 605–6; Copy of Memorial of the Callicoe Printers to the Lords of the Treasury, Received, May 4, 1779, Treasury Department, T 1, 552, National Archives of the UK, Kew. См.: на ту же тему “The Memorial of the Several Persons whose Names are herunto subscribed on behalf of themselves and other Callico Printers of Great Britain,” received July 1, 1780, at the Lords Commissioners of His Majesty's Treasury, Treasury Department, T1, 563/72–78, National Archives of the UK, Kew.

исключительно из хлопка, спряденного и сотканного в Англии. Из Ост-Индии допускались только товары, предназначенные для дальнейшей перепродажи на экспорт. Не подпадавшие под этот запрет такие индийские хлопковые товары, как простой ситец и муслины, облагались высокими налогами. В конечном счете все эти протекционистские меры не помогли отечественной шерстяной и льняной отраслям, но стимулировали отечественное хлопковое производство¹¹¹.

Франция, как и Британия, также позаботилась о запрете импорта индийского хлопка. В 1686 году в ответ на давление со стороны промышленников, производящих товары из шелка и шерсти, она сделала незаконным производство, использование и продажу хлопка.

На протяжении следующих семидесяти лет не менее двух королевских эдиктов и восьмидесяти постановлений королевского совета пытались сдержать распространение хлопка. Наказания были даже еще более суровыми, с заключением в тюрьму, а с 1726 года нарушителей ждала смертная казнь. В 1755 году Франция снова сделала незаконным

¹¹¹ Цит. по: S. V. Puntambekar and N. S. Varadachari, *Hand-Spinning and Hand-Weaving: An Essay* (Ahmedabad: All India Spinners' Association, 1926), 49, 51ff., 58; Inikori, *Africans and the Industrial Revolution in England*, 431–32; Crawford, *The Heritage of Cotton*, xvii; Baines, *History of the Cotton Manufacture*, 79; Wadsworth and Mann, *The Cotton Trade*, 132; Crawford, *The Heritage of Cotton*, xvii; Lemire, *Fashion's Favourite*, 42; Petition to the Treasury by Robert Gardiner, in Treasury Department, T1, 517/ 100–101, Public Records Office, London; Wadsworth and Mann, *The Cotton Trade*, 128; Letter of Vincent Mathias to the Treasury, 24 July 1767, Treasury Department, T 1, 457, National Archives of the UK, London.

импорт индийского печатного текстиля для потребления во Франции, а в 1785 году король вновь подтвердил эти запреты для защиты «национальной промышленности». Двадцать тысяч стражников обеспечивали исполнение этих законов, отправив не менее 50 000 нарушителей на каторгу. Однако из длинного списка запрещенного индийского текстиля был исключен тот, который предназначался для Гвинеи, то есть использовался для целей работорговли. В конце концов, рабы могли быть получены только в обмен на хлопок из Индии¹¹².

Другие европейские страны последовали этому примеру: Венеция запретила импорт индийских хлопковых тканей в 1700 году, так же поступила Фландрия. В Пруссии в 1721 году эдикт короля Фридриха-Вильгельма сделал незаконным ношение индийских печатных или раскрашенных ситцев и других хлопковых тканей. Испания сделала незаконным импорт индийского текстиля в 1717 году. А в конце XVIII века султан Абдул-Хамид I запретил подданным Османской империи носить определенные индийские ткани¹¹³.

¹¹² Cousquer, *Nantes*, 12, 23, 43; *Arret du conseil d'etat du roi, 10 Juillet 1785* (Paris: L'Imprimerie Royale, 1785), Andre Zysberg, *Les Galériens: Vies et destiny de 60,000 porcats sur les galeres de France, 1680–1748* (Paris: Sevid, 1987); Marc Vigie, *Les Galériens du Roi, 1661–1715* (Paris: Fayard, 1985).

¹¹³ Wadsworth and Mann, *The Cotton Trade*, 118–19; *Examen des effets que doivent produire dans le commerce de France, l'usage et la fabrication des toiles peintes* (Paris: Chez la Veuve Delaguette, 1759); Friedrich Wilhelm, King of Prussia, *Edict dass von Dato an zu rechnen nach Ablaufacht Monathen in der Chur-Marck Magdeburgischen, Halberstadtschem und Pommern niemand einigen gedruckten oder gemahlten Zitz oder*

То, что началось в качестве политики защиты производителей отечественных шерсти, льна и шелка, превратилось в целенаправленную программу стимулирования отечественного производства хлопкового текстиля. «Запреты, наложенные промышленными странами на печатный текстиль с целью стимулирования собственного национального производства», говорил французский путешественник Франсуа-Ксавьер Легу де Флекс в 1807 году, обеспечивал европейских производителей, которые еще не могли свободно конкурировать с индийскими ткачами, пониманием того, насколько перспективным может быть рынок хлопка. Отечественный, а также экспортный рынки были гигантскими и исключительно эластичными. И как только протекционистские меры ограничили приток на европейский рынок текстиля индийских производителей, европейские государства и торговцы стали все больше доминировать в глобальных сетях, что позволило им захватить рынки хлопкового текстиля в других частях мира. Эти рынки на деле обеспечивали сбыт для хлопковых тканей, полученных из Индии, а также от отечественных производителей. Таким образом, европейцы смогли и увеличить приобретение тканей в Индии, и защитить свои собственные неконкурентоспособные отечественные отрасли – чудесное достижение, ставшее возможным

Cattun weiter tragen soll (Berlin: G. Schlechtiger, 1721); Yuksel Duman, *Notables, Textiles and Copper in Ottoman Tokat, 1750–1840* (PhD dissertation, State University of New York at Binghamton, 1998), 144–45.

только потому, что военный капитализм позволил европейцам господствовать в глобальных сетях хлопка, одновременно создавая новые типы еще более мощных государств, чьи постоянные военные действия требовали еще более грандиозных ресурсов и таким образом поддерживали отечественную промышленность¹¹⁴.

Более того, имперская экспансия и все большее доминирование европейцев в мировой хлопковой торговле способствовали возрастающему проникновению знаний из Азии в Европу. Производители в Европе ощущали все большую потребность в применении этих технологий для того, чтобы иметь возможность конкурировать и по цене, и по качеству с индийскими производителями. В основе приближения европейцев к производству хлопкового текстиля на самом деле лежало то, что может рассматриваться как один из самых впечатляющих примеров промышленного шпионажа в истории.

Одной из причин того, почему индийский текстиль был так популярен среди европейских и африканских потребителей, был их превосходный рисунок и прекрасные цвета. Для того чтобы соответствовать сказочному качеству индийских конкурентов, европейские производители при поддержке правительств своих стран собирали знания об ин-

¹¹⁴ Legoux de Flaix, *Essai historique, géographique et politique sur l'Indoustan, avec le tableau de son commerce*, vol. 2 (Paris: Pougin, 1807), 326; Lemire, *Fashion's Favourite*, 3–42.

дийских производственных технологиях и делились ими. Например, французские производители хлопка приложили огромные усилия к копированию индийских технологий, непосредственно изучая индийское производство. В 1678 году Жорж Рокес, который работал на французскую Ост-Индскую компанию, на основе наблюдений в Ахмедабаде составил описание технологии индийской ксилографии, которое вскоре стало бесценным. Через сорок лет отец Тюрпен последовал этому примеру, а в 1731 году второй лейтенант на корабле французской Ост-Индской компании Жорж де Болье добрался до Пондишери, чтобы исследовать, как индийские ремесленники изготавливали ситец. В результате этих и других усилий к 1743 году французские производители были способны копировать весь индийский текстиль, за исключением самого тонкого. Но несмотря на столь быстрое заимствование индийских технологий, даже в конце XVIII века ткани с субконтинента оставались эталоном качества. Легу де Флекс в 1807 году восхищался качеством индийской пряжи и тканей («уровень совершенства далеко превосходит то, к чему мы привыкли в Европе») и вновь в мельчайших подробностях описывал индийские производственные технологии в надежде дать возможность французским ремесленникам скопировать их: «Все бёрда во Франции должны быть сделаны в соответствии с образцом, используемым в Бенгалии, – кроме всего прочего советовал он. – Тогда нам удастся сравняться с индийцами в производстве их мусли-

Другие европейские производители следовали этому примеру. В конце XVIII века датские путешественники отправились в Индию, чтобы разобраться в индийских технологиях и перенять их. А на протяжении XVII и XVIII веков английские печатники на хлопке собирали и затем копировали индийские рисунки, используя индийские навыки печати. Такие публикации, как «Отчет о мануфактурах, работающих в Бангалоре, и о процессах, используемых местными жителями при окраске шелка и хлопка» или аналогичный по тематике «Оригинальный восточный процесс придания хлопковой пряже или материи прочного, или глубоко проникающего, цвета, известного под именем турецкого или адрианопольского красного» дают примеры устойчивого интереса к

¹¹⁵ См. также: George Bryan Souza, "Convergence Before Divergence: Global Maritime Economic History and Material Culture," *International Journal of Maritime History* 17, 1 (2005): 17–27; Georges Roques, "La maniere de negocier dans les Indes Orientales," *Bibliothèque National, Paris, Fonds Français* 14 614; Paul R. Schwartz, "L'impression sur coton a Ahmedabad (Inde) en 1678," *Bulletin de la Société Industrielle de Mulhouse*, no. 1 (1967): 9–25; Cousquer, *Nantes*, 18–20; Jean Ryhiner, *Traité sur la fabrication et le commerce des toiles peintes, commencées en 1766*, *Archive du Musée de l'Impression sur Etoffes, Mulhouse, France*. См. также: 1758 *Reflexions sur les avantages de la librefabrication et de l'usage des toiles peintes en France* (Geneva: n. p., 1758), *Archive du Musée de l'Impression sur Etoffes, Mulhouse, France*; M. Delormois, *L'art defaire l'indienne a l'instar d'Angleterre, et de composer toutes les couleurs, bon teint, propres a l'indienne* (Paris: Charles-Antoine Jambert, 1770); Legoux de Flaix, *Essai historique*, vol. 2, 165, 331, цит. по: Florence d'Souza, "Legoux de Flaix's Observations on Indian Technologies Unknown in Europe," in K. S. Mathew, ed., *French in India and Indian Nationalism*, vol. 1 (Delhi: B.R. Publishing Corporation, 1999), 323–24.

освоению технологий. Как и в случае с прядильным колесом и горизонтальным педальным ткацким станком в прошлые века, Азия с XVI по XVIII век оставалась самым важным источником технологий хлопкового производства вообще и печати в частности. По мере того как ускорялось доминирование европейцев в глобальной сети хлопка, ускорялся и темп ассимиляции европейцами индийских технологий¹¹⁶.

Замена индийских тканей отечественными для экспортного рынка и для внутреннего потребления стала основной задачей. Производители хлопка из Глазго в 1780 году оказывали давление на правительство с тем, чтобы оно помогло им получить доступ к экспортным рынкам, так как с тех пор, как возник «излишек товаров, который внутреннее потребление не может исчерпать, и поэтому заграничные продажи в гораздо большей степени стали совершенно необходимыми для того, чтобы занять машины (которые в противном случае будут утрачены), а также для того, чтобы поддержать отрасль для людей, которые были подготовлены для этой работы»¹¹⁷. Более того, имперская экспансия познакомила евро-

¹¹⁶ Dorte Raaschou, “Un document Danois sur la fabrication des toiles Peintes a Tranquebar, aux Indes, a la fin du XVIII siecle,” in *Bulletin de la Societe Industrielle de Mulhouse*, no. 4 (1967): 9–21; Wadsworth and Mann, *The Cotton Trade*, 119; Inikori, *Africans and the Industrial Revolution in England*, 432; цит. по: *Philosophical Magazine* 30 (1808): 259; цит. по: *Philosophical Magazine* 1 (1798): 4. См. также: S. D. Chapman, *The Cotton Industry in the Industrial Revolution* (London: Macmillan, 1972), 12; *Philosophical Magazine* 1 (1798): 126.

¹¹⁷ Cotton Goods Manufacturers, Petition to the Lords Commissioner of His Majesty's Treasury, Treasury Department, T 1, 676/30, Public Record Office, London;

пейских, и особенно английских, торговцев с глобальными рынками хлопка. К 1770 году стало ясно, что рынки хлопкового текстиля в Европе и даже в еще большей степени в Африке, Америке и, разумеется, в Азии были гигантскими, а возможности для получения дохода для каждого, кто способен работать на эти рынки на конкурентной основе, практически безграничны. Понимание эластичности и доходности этих рынков происходило непосредственно из опыта торговцев, приобретенного в мировой сети дальней торговли хлопком¹¹⁸.

Определенно экспортные рынки в результате стали самыми важными для европейских производителей хлопкового текстиля – рынки, которые сначала были захвачены с помощью экспорта тканей из Индии. «Величайшую важность для наших инвестиций представляет то, – писало лондонское управление коммерции своему корреспонденту в Бомбее, – что мы будем способны регулярно выставлять на продажу в значительных количествах товары из Сурата, в особенности для обеспечения африканской торговли». Западная Африка превратилась в важнейшего потребителя хлопковой ткани, получаемой французами из Пондишери не в последнюю очередь потому, что импорт в саму Францию был незаконным. Как замечал Легу де Флекс в конце XVIII века,

Dispatch, November 21, 1787, Bombay Dispatches, E/4, 1004, Oriental and India Office Collections, British Library, London.

¹¹⁸ Chapman, *The Cotton Industry in the Industrial Revolution*, 16.

«именно основание колоний (в Вест-Индии) и работоторговля породили эту отрасль торговли с Индостаном... Но если колонии на Антильских островах перестанут покупать рабов, можно без сомнения сказать, что это направление будет все больше клониться к упадку»¹¹⁹.

Английские производители и торговцы достаточно рано начали полагаться на экспорт отечественных и индийских тканей в Африку. Эта опора на заморские рынки стала особенно заметной после 1750 года. Как показал историк Джозеф И. Иникори, в 1760 году Британия экспортировала около трети произведенной в Англии хлопковой материи. К концу XVIII века доля ткани, отправлявшаяся за границу, увеличилась до двух третей. Африка и Америка были самыми важными рынками. К середине века туда отправлялось 94 % всего экспорта хлопковых тканей. Сам масштаб этого рын-

¹¹⁹ Marion Johnson, "Technology, Competition, and African Crafts," in Clive Dewey and A. G. Hopkins, eds., *The Imperial Impact: Studies in the Economic History of Africa and India* (London: Athlone Press, 1978), 262; Irwin and Schwartz, *Studies in Indo-European Textile History*, 12. Мы знаем, что на протяжении XVIII столетия рабы были самым важным «экспортом» из Африки, составляя от 80 до 90 % от всей торговли. J. S. Hogendorn and H. A. Gemery, "The 'Hidden Half' of the Anglo-African Trade in the Eighteenth Century: The Significance of Marion Johnson's Statistical Research," in David Henige and T. C. McCaskie, eds., *West African Economic and Social History: Studies in Memory of Marion Johnson* (Madison: African Studies Program, University of Wisconsin Press, 1990), 90; Extract Letter, East India Company, Commercial Department, London, to Bombay, May 4, 1791, in Home Miss. 374, India Office, Oriental and India Office Records, British Library, London; Cousquer, *Nantes*, 32; de Flain is quoted in Richard Roberts, "West Africa and the Pondicherry Textile Industry," in Roy, ed., *Cloth and Commerce*, 142.

ка означал, что те, кто был способен конкурировать на нем, могли заработать состояние. Адам Смит ясно видел это, когда в 1776 году писал о Новом Свете, что «открыв новый неисчерпаемый рынок для всех товаров Европы, оно дало возможность развития новым отраслям труда и усовершенствованиям мастерства, которые в узком круге старой торговли никогда не смогли бы появиться из-за отсутствия рынка, который забирал бы большую часть их продукции»¹²⁰.

Высокая оценка этого хлопка африканцами была обусловлена существованием у них собственной хлопковой отрасли, а также намного более ранним приобщением к индийскому текстилю. Европейские работорговцы прежде всего старались привезти именно тот тип ткани, на который уже существовал спрос в Африке, особенно на хлопок цветов индиго и белого. Около 1730 года Ост-Индская компания отметила, что недостаток индийского хлопка «заставил людей заняться его имитацией здесь», в Англии, и европейские купцы даже экспортировали ткани под их индийскими названиями, потому что африканцы обычно предпочитали ткани, «сделанные в Индии». В меморандуме для Торговой палаты Элиас Барнс выражал надежду на то, что британские ткачи могут успешно копировать индийский хлопок. Он считал, что потенциальный рынок таких тканей был огромным: «Помимо

¹²⁰ Wadsworth and Mann, *The Cotton Trade*, 116, 127, 147; Inikori, *Africans and the Industrial Revolution in England*, 434–35; 448; Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, bk. IV, ch. I, vol. I, 470.

того что они потребляются в наших собственных доминионах, весь мир будет нашим клиентом». Уже в 1791 году коммерческий департамент Ост-Индской компании принуждал Бомбей регулярно поставлять хлопок в Англию «для обеспечения в особенности африканской торговли»¹²¹.

Имперская экспансия, рабство, экспроприация земли – военный капитализм – заложил основы для все еще малой и технологически отсталой хлопковой отрасли в самих европейских странах. Он обеспечил динамичные рынки, а также доступ к технологиям и необходимому сырью. Он также стал важным двигателем формирования капитала. Такие торговые города, как Ливерпуль, которые добывали свое богатство в значительной степени благодаря рабству, стали важными источниками капитала для зарождавшейся хлопковой отрасли, и торговцы хлопком в Ливерпуле обеспечивали все больше кредита для производителей, чтобы позволить им обрабатывать хлопок. В свою очередь лондонские торговцы, которые продавали пряжу и ткани, поступавшие от британских производителей, давали кредиты ланкаширским производителям. Фактически они обеспечивали очень важный и очень значительный оборотный капитал, так как доход от торговли перенаправлялся в производство, представляя собой «вливание торгового капитала». Более того, по мере того как эти

¹²¹ Wadsworth and Mann, *The Cotton Trade*, 131; цитируется там же, 122, 151, 154; Extract Letter to Bombay, Commercial Department, May 4th, 1791, in Home Miscellaneous 374, Oriental and India Office Collections, British Library, London.

торговцы богатели на дальней торговле, они могли требовать политической протекции от правительства, все более зависимого от дохода, источником которого они являлись¹²².

Наконец, военный капитализм также поддерживал зарождение таких вторичных секторов экономики, как страхование, финансы и транспорт, – секторов, которые будут становиться исключительно важными для возникновения не только британской хлопковой отрасли, но и таких государственных институтов, как государственный кредит, собственно деньги и оборона страны. Эти институты возникли в мире военного капитализма «в качестве передовых производственных технологий и методов торговли», мигрировавших из экспортной торговли в отечественную экономику¹²³.

Европейские – и особенно британские – торговцы, при активном содействии британского государства, уникальными

¹²² Maurice Dobb, *Studies in the Development of Capitalism* (New York: International Publishers, 1947), 277; George Unwin, в предисловии к George W. Daniels, *The Early English Cotton Industry* (Manchester: Manchester University Press, 1920), xxx. Это блестяще изображено в Daron Acemoglu, Simon Johnson, and James Robinson, “The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change and Economic Growth,” National Bureau of Economic Research Working Paper No. 9378, December 2002. Однако в их описании отсутствует упоминание о сохраняющейся важности институтов военного капитализма в других частях света, за пределами европейского ядра.

¹²³ См.: важную работу Wennerlind, *Casualties of Credit*, esp. 223–25; Inikori, *Africans and the Industrial Revolution in England*, 478–79; P. K. O’Brien and S. L. Engerman, “Exports and the Growth of the British Economy from the Glorious Revolution to the Peace of Amiens,” in Barbara Solow, ed., *Slavery and the Rise of the Atlantic System* (New York: Cambridge University Press, 1991), 191.

путями внедрились в глобальные сети производства хлопка – между хлопководами и прядильщиками, прядильщиками и ткачами, производителями и потребителями. Задолго до появления новых технологий производства хлопка они фактически перестроили глобальную хлопковую отрасль и глобальные хлопковые сети. В этих сетях доминировал союз частного капитала и укреплявшихся государств. В результате совокупного действия их вооруженной торговли, промышленного шпионажа, запретов, ограничительных торговых норм, господства на территориях, захвата рабочей силы, устранения коренного населения и спонсируемого государством создания территорий, которые затем были предоставлены в распоряжение широко распространившим свое влияние капиталистам, возник новый экономический порядок¹²⁴.

Благодаря этим грандиозным усилиям торговцев, производителей и правительственных чиновников Европа к XVIII веку получила принципиально новое положение в мировых сетях хлопка. Большая часть его мирового производства по-прежнему размещалась в Азии, оживленные очаги хлопковой отрасли оставались в Африке и Америке, но европейцы теперь решительно доминировали в заокеанской торговле. В Новом Свете они создали основанный на рабском труде режим производства сельскохозяйственных товаров – систему производства, которая в конце концов превращала все

¹²⁴ Цит. по: Peter Spencer, *Samuel Greg, 1758–1834* (Styal, Cheshire, UK: Quarry Bank Mill, 1989).

больше и больше европейцев в хлопководов, даже несмотря на то, что на европейской почве хлопчатник не рос. Сильные европейские государства одновременно воздвигли барьеры для импорта иностранного текстиля, как только создали систему заимствования иностранных технологий. Организовав экономический процесс в Азии, Африке и Америке, а также в Европе, европейцы получили парадоксальную возможность управлять мировой торговлей индийским текстилем, при этом все в большей степени удерживая азиатские ткани от проникновения в Европу и вместо этого торгуя ими в Африке и всюду, кроме европейских берегов. Возникла всемирная текстильная отрасль, и европейцы впервые захватили обширную сферу глобального спроса на товары из хлопка.

Европейских политиков и капиталистов на фоне их коллег из других частей света выделяла способность господствовать в этих глобальных сетях. В то время как торговля в Африке, Азии и Америке характеризовалась наличием сетей, которые функционировали благодаря взаимовыгодному обмену товарами, европейцы построили трансконтинентальную систему производства, подорвавшую имевшиеся общественные связи и на их собственном континенте, и где бы то ни было еще. Значение этой ранней истории глобального взаимодействия состоит не в мировой торговле как таковой (значение которой в количественном отношении для экономики всех стран оставалось небольшим), а в перестройке подхода

к производству и во времени, и в пространстве, и в отношении социальных и политических последствий этого производства¹²⁵. Индия и Китай, империи инков и ацтеков не подошли даже близко к такому глобальному господству и тем более к изменению производственных процессов в дальних уголках мира. Европейские же капиталисты и богатые капиталом европейские государства, начав лишь в шестнадцатом веке, реорганизовали мировую хлопковую отрасль. Это раннее проявление военного капитализма было предпосылкой для промышленной революции, которая в конечном счете дала мощнейший импульс глобальной экономической интеграции и до сих пор продолжает формировать и изменять наш мир.

Произошедшее представляло собой переход от старого мира хлопка – дискретного, многоцентричного, горизонтального – к интегрированной, централизованной и иерархической империи хлопка. Еще в середине XVIII века со-

¹²⁵ См., например: Kevin H. O'Rourke and Jeffrey G. Williamson, "After Columbus: Explaining Europe's Overseas Trade Boom, 1500–1800," *Journal of Economic History* 62 (2002): 417–56; Dennis O. Flynn and Arturo Giraldez, "Path Dependence, Time Lags and the Birth of Globalization: A Critique of O'Rourke and Williamson," *European Review of Economic History* 8 (2004): 81–108; Janet Abu-Lughod, *The World System in the Thirteenth Century: Dead-End or Precursor?* (Washington, DC: American Historical Association, 1993); Andre Gunder Frank, *ReOrient: Global Economy in the Asian Age* (Berkeley: University of California Press, 1988). Я согласен с Joseph E. Inikori, который рассуждает о важности «интегрированного производства товаров по всему земному шару» для истории глобализации. См.: Joseph E. Inikori, "Africa and the Globalization Process: Western Africa, 1450–1850," *Journal of Global History* (2007): 63–86.

временникам казалось невероятным, что Европа, особенно Британия, очень скоро превратится в самого значимого мирового производителя хлопка. Действительно, в 1860 году Джеймс А. Манн, член Статистического общества Лондона и Королевского Азиатского общества, еще мог припомнить.

Наше собственное состояние в весьма недавние времена было значительно хуже по сравнению с тогдашними обитателями Нового Света или Индии; наше моральное состояние со всеми преимуществами климата было неизмеримо ниже, чем у последних, а положение дел с искусством производства в Америке во время ее открытия или в Индии превосходило даже наше шерстяное производство; и до нынешнего дня, со всеми нашими приспособлениями, мы не можем превзойти в тонкости муслины Востока, а в солидности и элегантности – Намаса, которые традиционно ткут жители Бразилии и Карибских островов. Когда наши люди находились в первозданном мраке, Восток и Запад были относительно просвещены.

Индия... является источником, из которого мы опосредованно получили наши представления о торговле; ремесленники этой страны, а также Китая, вдохновили наших предков жаждой роскоши в соответствии с принятыми в то время представлениями. Период, когда производство велось в Индии, образовал в переносном смысле зарю наших дней; солнце тогда двигалось из другой, прошлой эры к мировой коммерции. Индийское производство

было предвестником этого света, который, усиливаясь по мере приближения, становился теплым настолько, чтобы рассеять утренний туман и развить зачаток государства; и, усиленный европейской энергией, он вызвал к жизни новую эру невиданного прежде коммерческого великолепия¹²⁶

¹²⁶ Mann, *The Cotton Trade of Great Britain*, 20.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.